

История Библии. Где и как появились библейские тексты, зачем они были написаны и какую сыграли роль в мировой истории и культуре

Автор:

[Джон Бартон](#)

История Библии. Где и как появились библейские тексты, зачем они были написаны и какую сыграли роль в мировой истории и культуре

Джон Бартон

Религии, которые правят миром

Библия – это центральная книга западной культуры. В двух религиях, придающих ей статус Священного Писания, Библия – основа основ, ключевой авторитет в том, во что верить и как жить. Для неверующих Библия – одно из величайших произведений мировой литературы, чьи образы навечно вплетены в наш язык и мышление. Книга Джона Бартона – увлекательный рассказ о долгой интригующей эволюции корпуса священных текстов, который мы называем Библией, – о том, что собой представляет сама Библия. Читатель получит представление о том, как она создавалась, как ее понимали, начиная с истоков ее существования и до наших дней. Джон Бартон описывает, как были написаны книги в составе Библии: исторические разделы, сборники законов, притчи, пророчества, поэтические произведения и послания, и по какому принципу древние составители включали их в общий состав. Вы узнаете о колоссальном и полном загадок труде переписчиков и редакторов, продолжавшемся столетиями и завершившемся появлением Библии в том виде, в каком она представлена сегодня в печатных и электронных изданиях.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Джон Бартон

История Библии: где и как появились библейские тексты, зачем они были написаны и какую сыграли роль в мировой истории и культуре

Посвящается Кэти

John Barton

A HISTORY OF THE BIBLE

The Book and Its Faiths

Original English language edition first published by Penguin Books Ltd, London

Text Copyright © John Barton 2019 The author has asserted his moral rights All rights reserved.

Перевод с английского Владимира Измайлова

© Измайлов В.А., перевод на русский язык, 2021

Вступление: Библия в наши дни

Канадский литературный критик Нортроп Фрай (1912–1991) писал о Библии: «...непостижимым образом эта книга, необъятная, совершенно бесцеремонная, восседает, вальяжно раскинувшись, прямо посреди нашего культурного наследия... мешая всем нашим усилиям ее обойти» [1]. Возможно, кому-то покажется удивительным то, сколь велик интерес к Библии в нашей светской эпохе – а то, сколь он велик, ясно показали торжества в честь 400-летия Библии короля Якова, которую порой еще называют и «авторизованной»; даже те, кто не верит в христианство, по-прежнему очарованы мистической силой Книги Книг. В глазах верующих Библия часто предстает как вдохновленная Богом и обладающая высочайшим авторитетом во всем, что имеет отношение к вере и делам. Для неверующих она – стержневой документ западной культуры, и она по-прежнему влечет многих как собрание значимых литературных творений. История этих книг, история их распространения и толкований – это сокровенная суть истории всей литературы Запада.

Эта книга – рассказ о Библии. О далеких временах, когда она зарождалась в фольклоре и мифах; о том, как ее принимали; о том, как ее пытаются толковать в наши дни. Здесь мы поговорим о том, как возникала, передавалась, распространялась Книга Книг, и о том, как ее читали и что обретали в ней во все века, от древности до современной эпохи – и в переводах, и на изначальных языках. И надеюсь, после, когда мы узнаем все это, Библия утратит облик неприкосновенного монолита, затянутого в черный кожаный переплет – и мы снова начнем воспринимать ее как завершение долгого и волнительного пути, а еще ясно увидим, сколь по-разному ее читали на протяжении столетий. Конечно же, прежде всего будет ясно и то, как трудно перейти от Библии к религиозной вере: ни об одной из двух религий, притязающих на то, что в их основе лежат библейские книги – я имею в виду христианство и иудаизм, – в Библии прямым текстом не прочесть. А многое в ней даже таит проблему для иудейских и христианских верований. И это не только широко известные морально предосудительные сцены – скажем, когда Бог уничтожает невинных в историях о том, как израильтяне захватывают Землю Обетованную, – но и разнообразие жанров (повествование, пророчество, поэзия), многие из которых не особенно

подходят для догматических дефиниций, и сама обстановка античных культур, которая во многом расходится с нашей. Но в то же время я намерен показать, что Библия – это важный источник религиозных прозрений, только ее нужно читать в изначальном контексте и на фоне условий, преобладавших во время ее написания.

Пока будет длиться мой рассказ о библейских книгах и их создании, история неизбежно примет в себя многое из того, что ей предшествовало. В Библии очень мало книг с простой композицией, написанных одним-единственным автором – напротив, большая их часть в высшей мере разнородна, а некоторые зависимы от других, и видно, как в более поздних книгах принимаются те, что были написаны раньше. По самой своей сути Библия – это запись диалога ее авторов и тех, кто передавал традицию. В одних ее книгах скрыты комментарии на множество других, и таких случаев немало. Да что мелочиться: даже Новый Завет не раз говорит о Ветхом! В том мире, где возник Новый Завет, Ветхий, почти весь, воспринимался как «Святое Писание» (я объясню, какой смысл скрывает этот обманчиво знакомый термин). Стоп, а стоит ли христианам вообще признавать Ветхий Завет? И если да, то в сколь великой мере? И опять же, как тогда читать его в свете новых веяний – идей Иисуса, Павла и других? Эти вопросы волнуют самую суть христианского богословия – и всегда ее волновали. В Новом Завете, во Втором послании к Тимофею 3:16, Ветхий Завет назван «богодухновенным» (в прямом переводе «навеянным дыханием Бога»). Христиане расширили эту идею и на книги Нового Завета. Впрочем, как именно эта вдохновенность влияет на образ воздействия Библии и на природу той власти, какую она проявляет над верующими, неясно. Сказав: «Библия вдохновенна», мы подразумеваем, что Бог причастен к ее созданию, но как в точности это происходит – о таком говорится крайне редко.

Моя дальнейшая цель – доискаться до сути того, как ныне обстоят дела с библеистикой. В наши дни Библию подвергают самому дотошному анализу. Уже появилось целое море теорий о ее истоках, смысле, статусе, – и обычный читатель просто рискует в этом море утонуть. Я расскажу, в чем сейчас согласны ученые – там, где они хоть в чем-то согласны, – а еще мы поговорим о спорах, обсудим альтернативы, достойные внимания, и обозначим области, в которых можно было бы действовать и поусердней.

Но я стремлюсь не только описать обстановку. Я выдвигаю и спорный аргумент, и он звучит так: Библию не «спроецировать» напрямую на систему религиозных верований и обрядов – ни на иудейскую, ни на христианскую. Да, Библия,

расцениваемая как свод религиозных текстов, незаменима по многим причинам. Но христианство по сути своей – религия не библейская. Средоточием христианства не является книга, воспринятая как единое святое творение. И иудаизм, пусть он и в высшей степени почитает Еврейскую Библию, на самом деле не столь на ней «центрирован», как принято считать. Возможно, идеальный вариант «религии книги» – это ислам, и в сравнении с ним иудаизм и христианство весьма отдалены от своего главного священного текста. Библия очень непохожа ни на credo, ни на великие «исповедания» веры – скажем, такие, как Аугсбургское исповедание для лютеран или Вестминстерское исповедание для некоторых кальвинистов. Библия – это истинное столпотворение сведений и фактов, и мало какие из них ясно обращены именно к вопросу о том, во что надлежит верить. А значит, история Библии – это рассказ о взаимном влиянии религии и книги, которых не спроецировать друг на друга «один в один».

Да, порой некие версии христианства притязают на право называться просто «библейскими» (подобного нельзя сказать ни об одной из версий иудаизма), но правда в том, что и устройство, и содержание христианских верований – даже среди христиан, искренне убежденных в том, что их вера целиком и полностью стоит на Библии – организованы и сформулированы совершенно не по-библейски. Это ясно заметно в том же христианском фундаментализме, который боготворит Библию, но понимает ее в высшей степени неверно [2].

Фундаменталисты благоговеют перед Библией, которой на самом деле не существует – и видят перед собой идеальный текст, идеально отражающий то, во что они верят. И мало того что описание Библии (со всеми ее изъянами и недостатками), приведенное ниже, неизбежно смутит тех, кто привык идеализировать Книгу Книг, – я еще и покажу, что Библия не является и не может являться всецелым фундаментом ни для иудаизма, ни для христианства. И я, последовав духу современной библеистики, приведу аргументы, подходящие критическому исследованию – иными словами, обращусь к Библии, не предполагая заранее, что любые ее изречения надлежит считать истиной в последней инстанции [3].

Если быть честным до конца, то никаких версий христианства или иудаизма, точь-в-точь соответствующих всем предписаниям Библии, не существует – просто потому, что Библия часто не является тем, во что ее превратили, и ее не раз читали так, как она читаться не должна. Например, в христианстве есть абсолютно центральные доктрины – скажем, тот же догмат о Троице, – о которых практически не упоминается в Новом Завете; и напротив, ряд главных идей Нового Завета – та же теория святого апостола Павла о «спасении

благодатью через веру» – по крайней мере до эпохи Реформации никогда не были частью официальной ортодоксии и даже сейчас отсутствуют в Символах веры. Примерно так же изощренная сложность религиозных обычаев и традиций в ортодоксальном иудаизме выходит далеко за пределы всего, что могла подразумевать Еврейская Библия: например, запрет есть мясо и молоко во время одной трапезы, со всеми его последствиями для дизайна кухонь, в котором все призвано к одному – не допустить даже случайного соприкосновения мясных и молочных частичек, – привязан к строке из Исх 23:19 («Не вари козленка в молоке матери его»)[1 - Цитаты из Библии приводятся по Синодальному переводу, за исключением особо оговоренных случаев. – Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.], но превосходит все, чего требует и мог бы потребовать сам текст: в большинстве своем это признают и сами иудеи.

Библия центрально важна и для иудаизма, и для христианства – но не как священный текст, из которого неким образом можно «вычитать» целые религиозные системы. Ее содержание проливает свет на истоки обеих религий, знакомит нас с классическими творениями духа, на которых они могут строиться – но не налагает на последующие поколения обязательств в том смысле, как мог бы это делать записанный закон. Библейские смыслы просто не предназначены для подобного. Библия хранит писания, придавшие облик двум религиям – и обретшие под влиянием этих религий свой облик – на разных стадиях их развития. И новые поколения верующих вольны и принимать их, и воспринимать их критически. Приписывать такому документу религиозный авторитет – значит расширить слово «авторитет» до самых его пределов. И поддержать подобное можно только одним путем: изобрести особые способы толкования этой книги и толковать ее иначе по сравнению со всеми остальными.

В священном тексте христианства смешано множество жанров – повествования, афоризмы, поэмы, послания, – и это вносит великую сложность в саму христианскую религию. В католичестве помимо Библии признаны и иные источники авторитета, но принято считать, что Священное Писание обладает неким совершенством. Протестанты создали теории, согласно которым в Библии тем или иным образом присутствует все, что имеет в религии хоть какое-то значение. Иные даже утверждали, что нельзя совершать никаких поступков, если в Библии нет их явного и ясного одобрения, и нельзя разделять никаких убеждений, помимо библейских «официальных директив». Мне кажется, это злоупотребление текстами. Да, они глубоко важны для христианской веры, но, возможно, они просто не в силах вынести бремя, которое на них порой возлагают. Иудаизм подходит к Библии несколько тоньше: иудеи почитают ее, как и многие христиане, но не уверяют, будто все в религии совершается

поистине так, как об этом сказано в Библии, и признают развитие в новых направлениях. Тем самым у иудаизма есть священная книга и ряд религиозных верований и обычаев, но книга и вера, пусть и подходят друг другу, все же не соотносятся как «один к одному». Возможно, такая модель позволит нам понять и христианство намного лучше, нежели восприятие доктрин и религиозных практик как напрямую исходящих из Библии, распространенное среди протестантов. Так между Библией и религией появится свободное пространство – и, может быть, оно даст нам услышать, что говорит сама Библия, а религиозная вера сможет развиваться без сдерживающих пут по рукам и ногам. А об отношениях Библии и религии нам нужно говорить непрестанно – и можно даже сказать, что эти отношения требуют постоянных дипломатических переговоров.

Культурная Библия

В современном мире Библия присутствует двояко. Во-первых, в обществе Запада она выживает, как призрак, на границах культуры масс и элит, в облике фрагментов, цитат и аллюзий. Журналисты все еще могут предположить, что их читатели поймут смысл выражения «бой Давида с Голиафом» или уловят намек, если кто-то сошлется на любовь к деньгам как на корень всех зол – хотя, возможно, и не признают верного источника и решат, что это, наверное, Шекспир. Многим, скорее всего, знакомы такие цитаты:

Разве я сторож брату моему? (Быт 4:9)

Не одним хлебом живет человек (Втор 8:3)

Я остался только с кожей около зубов моих (Иов 19:20)

Дней лет наших – семьдесят лет (Пс 89:10)

Нечестивым же нет мира (Ис 48:22)

Соль земли (Мф 5:13)

Не бросайте жемчуга вашего перед свиньями (Мф 7:6)

Не было им места в гостинице (Лк 2:7)

Нет власти не от Бога (Рим 13:1)

Труд любви (1 Фес 1:3)

Но вот точный источник им, скорее всего, неизвестен, и еще менее вероятно, что они знают, какую роль эти фразы играли в своих изначальных книгах.

«Библейская грамотность» все еще существует, и рекламодатели (помимо прочих) могут черпать из нее идеи. Кстати, вы не задумывались, сколь вездесущ образ Евы в рекламе? И как мгновенно потребители реагируют на все образные и смысловые аллюзии, связанные с яблоками, змеями и деревьями? [4]

Библия, вопреки предсказаниям атеистов, не исчезла и из массовой культуры – и, как уже говорилось, празднование 400-летия Библии короля Якова показало, сколь широко на Книгу Книг по-прежнему ссылаются грамотные и культурные люди, пусть даже их привлекает не столько смысл, сколько стиль (об этом в главе 18). Одно только издательство Оксфордского университета ежегодно продает четверть миллиона экземпляров Библии короля Якова [5].

Поразительно, сколь часто о Библии хвалебно отзываются атеисты, даже отстраняясь от ее религиозных притязаний. Ричард Докинз явно одобряет ее культурный статус и даже милует библеистов, когда обрушивает свои молнии и громы на теологов [6], а Филип Пулман проводит кампанию за то, чтобы по-прежнему учить школьников библейским историям и притчам, хотя и наряду с фольклорными сказаниями и мифами. У Пулмана есть своя мифология, явленная в его трилогии «Темные начала» (His Dark Materials) [8], и на определенном уровне она представляет собой сознательно антихристианскую переработку истории об Адаме и Еве. Обретение знания и осознание сексуальности он считает не злом, а благом, – вопреки тому, как их порой трактовали христиане, пытаясь истолковать Книгу Бытия.

Библия по-прежнему значительно влияет на культуру в США – в гораздо большей степени, нежели в Европе. Благодаря стойким традициям евангеликов во многих областях Америки Книга Книг сохранила заметное влияние даже на людей нерелигиозных. И если какой-нибудь политик критикует или игнорирует Библию – это политический просчет. Нет, это не значит, будто люди в большинстве своем очень часто и помногу читают Библию: она – икона, символ, знаковый образ, а не предмет для изучения [9]. Ряд штатов время от времени объявляют «год Библии» – например, так поступила Пенсильвания в 2012 году [10]. И даже пусть в теории государство и Церковь в США разделены, Библия широко присутствует в обществе как символ фундамента жизни христианской нации. В Великобритании, где приверженность Библии не столь велика, она по-прежнему исполняет роль священного предмета: например, многие все еще соглашались приносить в суде присягу «на Библии». А еще можно купить особые Библии в переплете из белой кожи: такие держат невесты, когда их ведут под венец. И даже сейчас, когда привлекательность христианства слабеет и мало кто изучает Библию во всех подробностях, она все равно остается бестселлером почти во всех европейских странах.

Библия в общинах верующих

Второе место присутствия Библии в современном мире – общины верующих христиан и иудеев, и здесь она сохраняет центральную важность. За недавние десятилетия интерес иудеев к Библии возрос многократно: Еврейское издательское общество снова перевело Танах и выпустило двуязычную версию с параллельным английским текстом (1985, 1999); а еще появилась большая и

внушительная Еврейская Толковая Библия [11]. (Пусть Библия и пользуется в иудаизме несомненным почтением, правоверные иудеи склонны изучать не ее, а Талмуд.) В христианстве Библия за последние шестьдесят лет тоже пережила великое возрождение. Со дней далекого 1962 года, когда Иоанн XXIII, папа римский, инициировал Второй Ватиканский Собор, стремясь преобразить и обновить Церковь, среди католиков римского обряда поощрялось изучение Библии, и те создали новые переводы Библии на большинство европейских языков и стали применять библейские учебные материалы (комментарии и руководства к чтению Библии) с прежде невиданным размахом. Документы Собора говорят о Библии так:

Поскольку все, утверждаемое богодухновенными авторами, или священнописателями, должно почитаться как утверждаемое Святым Духом, то нужно исповедовать, что книги Писания твердо, верно и безошибочно учат истине, которую Бог ради нашего спасения пожелал запечатлеть Священными Письменами. Итак, «все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности, да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен» (2 Тим 3:16–17, греч.).

Поскольку же Бог говорил в Священном Писании через людей и по человечеству, то истолкователь Священного Писания, дабы уяснить, что Бог хотел нам сообщить, должен внимательно исследовать, что священнописатели в действительности намеревались сказать и что Богу было угодно открыть нам через их слова [12].

В XX веке расцвели и протестантские церкви, сосредоточенные исключительно на Священном Писании – особенно разнообразные движения пятидесятников на «Старом» Западе и, прежде всего, в Латинской Америке, Южной Корее и Африке. В своем отношении к Библии многие из этих церквей подходят под описание консервативных (и даже фундаменталистских). Они настаивают: Библия абсолютно истинна, и Бог вдохновлял в ней каждое слово – причем необязательно диктовал, но явно влиял на ум писателей, чтобы те создали именно такое творение, какое Бог и желал уготовить для Церкви. Толковать Библию, как либералы с их излюбленной критикой? Невозможно! Сухо! Безжизненно! В этом нет веры! Это не подобает христианину! В Великобритании и Северной Америке возрастают, как правило, те церкви, которые склонны

разделять подобный «консерваторский» подход к Священному Писанию. В них полагают, что всю христианскую веру можно вывести из Библии, в которой видится единственный источник истины и вдохновения. Так появились по меньшей мере пять принципов для прочтения Библии. Их часто поддерживают и более либеральные христиане, хотя и не в столь «концентрированной» версии.

Во-первых, нам следует читать Библию, ожидая, что все найденное в ней окажется истинным. Для некоторых христиан слова «произошло истинно», означают «случилось в прямом смысле, в реальной истории» – и все, что утверждает библейский текст, они принимают как точный факт. Но даже многие из тех, кто не разделяет подобного подхода, согласятся: Библию надлежит читать как заведомую истину, а не как заведомую ложь. Возможно, в ней скрыта иная истина – заключенная в поэтике, в символике, а не в фактах. Как правило, так и склонны считать более либеральные христиане. Но это не дает нам возможности предполагать, будто весь библейский текст – выражение ошибки. Даже если автор первой и второй глав Книги Бытия неточно выразил продолжительность времени, ушедшего у Бога на создание Вселенной, все же неприемлемо говорить, будто он просто ошибался насчет описываемых событий: должен быть некий уровень, на котором то, что он сказал, истинно. Некоторым библейским консерваторам – скажем, «младоземельным» креационистам – важно верить в то, что истинна хронология Ветхого Завета, согласно которой творение свершилось лишь около 6000 лет тому назад. Благодаря этому феномену возникли библейские тематические парки, в которых Адам и Ева гуляют вместе с динозаврами. Их особенно много в США: хорошим примером станет Парк Сотворения в Петербурге, штат Кентукки [13].

Во-вторых, Священное Писание надлежит читать как релевантное. Даже если апостол Павел говорит о проблеме, стоявшей перед ранней Церковью, но уже не возникающей в той же форме сегодня (например, о том, вольны ли христиане вкушать мясо, приносимое в жертву ложным богам – как в Рим 14 или 1 Кор 8 и 10), это не значит, что упомянутый текст уже не может ничего нам сказать. Именно нам и предстоит различить, что говорит нам Бог через внесение в Библию таких отрывков – это наша задача как читателей Священного Писания. Библия канонична, а значит, авторитетна – и в ней нет отрывков, уместных лишь когда-то давно: все, что написано в ней, дано нам в наставление.

А все, что писано было прежде, написано нам в наставление, чтобы мы терпением и утешением из Писаний сохраняли надежду.

Рим 15:4

Все это... описано в наставление нам, достигшим последних веков.

1 Кор 10:11

Следовательно, мы не можем, столкнувшись со сложным, приводящим в замешательство фрагментом, решить, будто он для нас сегодня просто бесполезен. Его сделали частью Священного Писания, а значит, он вечно важен для верующего христианина.

Принцип релевантности, как кажется, встроен в идею Священного Писания в большинстве религий, у которых есть священная книга – а может, и во всех таких религиях [14]. Ранние христиане возводили этот принцип почти в абсолют: они верили, в самом прямом смысле верили в то, что именно их жизнь, именно их времена были предсказаны в Писании Ветхого Завета. Это к ним обращался апостол как к «достигшим последних веков». А священнописатели предсказали грядущее, ибо их вдохновил Бог. Многие консервативные христиане по-прежнему считают это истиной и верят в то, что тексты Священного Писания относятся к современному мировому порядку, который авторы Библии (или Бог, говоривший через них) предвидели совершенно точно.

Это особенно заметно в таком явлении, как «христианский сионизм». Его приверженцы, христиане-евангелики, поддерживают государство Израиль, ибо возвращение иудеев в Святую Землю – одно из предвестий последних времен, о которых пророчит Библия. (За поддержку, оказанную Израилю, иудеи благодарны, но вот почему их при этом еще и пытаются обратить в христианство, они часто просто не могут понять.) Эти времена начнутся с «восхищения», когда истинно верующие будут взяты с земли и пребудут в безопасности с Иисусом (как и усопшие праведники, которые к тому времени уже будут воскрешены) – на все время бедствий, уготованных земле, прежде чем Иисус вернется и воцарится. Основой этого стал библейский стих из 1 Фес 4:17.

Потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними [с мертвыми] восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе [16].

Рынок полон «пророческих романов» на эти темы. Самый знаменитый и влиятельный – сериал «Оставленные» (Left Behind). Там, кажется, восемнадцать книг. Первая, так и названная, «Оставленные», представляет «восхищение» как событие, которое свершается во всем мире в мгновение ока. Самолеты падают с неба, когда на небо «восхищаются» пилоты; машины разбиваются в авариях; везде царят невыразимые страдания – но те, кто осознает, что происходит, обращаются в христианскую веру. В сюжет вплетены и другие темы современной американской мысли: русская угроза; нелюбовь к глобальным организациям, той же ООН; необходимость сохранить американскую культуру чистой и непорочной и спасти ее от демонических влияний того же Евросоюза. Естественно, далеко не все американские христиане поддерживают Израиль по причине того, что верят в такой сценарий. Но значительная часть – да, именно поэтому. Премилленаризм, как называют такую систему взглядов, среди евангеликов в англоязычном мире распространен очень широко.

Более либеральные христиане склонны расценивать релевантность Библии как непрестанную – иными словами, они считают, что Священное Писание говорит о важном во все времена, а не просто предсказывает точные обстоятельства современной эпохи. Очень многие христиане посещают курсы по изучению Библии, на которых участники вчитываются в строки и пытаются понять, чему Бог учит их через тот или иной фрагмент Библии. «Ничему» – этот ответ неприемлем.

В-третьих, в Библии все важно и проникнуто глубочайшей мудростью. В Писании нет никаких тривиальностей, ничего, что следует читать как поверхностное или незначительное – и в этом смысле данный пункт близок к предыдущему, о релевантности Библии. Библия – книга божественной мудрости. В ней нет никаких неважных текстов. Понять и принять это сложно: многие склонны считать, что некоторые части Священного Писания важнее других.

Протестантам Послание к Римлянам ближе, нежели, скажем, Второе послание Иоанна или Послание Иуды – ведь именно Послание к Римлянам, с его доктриной «оправдания верой», стало краеугольным камнем большей части Реформации в XVI веке (смотрите главу 16). Но, строго говоря – и даже традиционалисты с этим согласятся – в Священном Писании нет иерархии: все вдохновлено Богом, а значит, все важно. Лютеране порой говорят о «каноне внутри канона», о главных текстах, поистине значимых, сокрытых в полумраке не столь значительных. Но

почти все остальные протестанты, равно как и католики, не приняли такого подхода.

В-четвертых, Священное Писание непротиворечиво. Как считается, христианин-читатель не должен «натравливать» одну часть Библии на другую. Если кажется, что два текста противоречат друг другу, нужно вчитаться пристальнее и увидеть, что на самом деле их связь логична. Классический пример – мнимое расхождение апостолов Павла и Иакова во взглядах на благие дела, иными словами, на поступки, достойные награды. На первый взгляд апостол Павел отрицает, что люди оправдываются делами (см.: Рим 3:21 – 4:12), тогда как апостол Иаков утверждает, что благие дела жизненно важны – по сути, что «вера» в отрыве от благих дел пуста и ложна (см.: Иак 2:14). Некоторым христианам это расхождение казалось непримиримым. Мартин Лютер (1483–1546) даже предлагал исключить Послание Иакова из Библии – как противоречащее словам апостола Павла. Но для консервативных христиан подобное недопустимо. Они пытаются показать, что апостолы не противоречат друг другу, а их послания, пусть и ставят разные акценты, в конечном итоге совместимы. В каком-то смысле непротиворечивость Священного Писания подразумевается уже в утверждении о том, что оно истинно – ведь из двух посланий, несовместимых друг с другом, оба не могут оказаться правдой. И поскольку так все голоса Священного Писания обретают гармонию, непонятные фрагменты всегда можно объяснить в свете более ясных.

Кажется, непротиворечивость священных текстов заведомо признается во всех религиях, такими текстами обладающих. Иудаизм явно основан на предпосылке о том, что Библия логически последовательна, и в раввинистической литературе ряд споров призван показать, что мнимые расхождения на самом деле возможно примирить. В Вавилонском Талмуде (Шаббат, 13б) мы читаем о подвиге Анании, сына Езекии, примирившего мнимые противоречия между Книгой пророка Иезекииля и Пятикнижием (первыми пятью книгами Библии, от Бытия до Второзакония) – и пока он примирял все эти противоречия, на поддержание огня в его лампаде ушло триста больших кувшинов масла! Но иудаизм признает, что тексты Библии порой могут вступать в диалог друг с другом и из их «творческого конфликта» может родиться нечто благое, тогда как в христианстве такая точка зрения не снискала себе многих сторонников. Христиане склонны полагать, что все святые тексты должны звучать в унисон. В этом убеждении и скрыта истинная причина стремления услышать созвучие Евангелий и увидеть за повествованиями в различных Евангелиях, на первый взгляд разными, единый и связный рассказ. У таких трудов давняя традиция, восходящая к первым векам христианства. Порой христиане могут считать, что

незначительные расхождения в Евангелиях на самом деле не имеют значения – так, скажем, считал Августин [19] – поскольку в важных вопросах, связанных с истинностью послания, они единодушны [20]. Но ревнителям традиций это, наверное, покажется началом опасного пути по скользкому склону – прямо к сомнениям в истинности уже самой Библии.

В-пятых, Священное Писание предназначено для того, чтобы читать его в согласии с сутью христианской веры – иными словами, с тем, что ранние христиане называли «правилом веры» (смотрите главу 13). Это своего рода основа вероисповедания, краткий итог того, во что надлежит верить. Порой современные поборники так называемого богословского прочтения Библии говорят, что мы должны читать «по правилам», и используют этот термин формально, ссылаясь на то, что Священное Писание подвластно правилу веры [21]. Если толкование библейского отрывка идет вразрез с тем, во что верят христиане – значит, это неверное толкование! У этой идеи есть параллели и в иудаизме, хотя там этот вопрос особо не обсуждается. Но в обеих религиях неприемлемо читать Библию, заведомо полагая, будто она противоречит главным доктринам веры – особенно если эти верования, как принято считать, изначально почерпнуты именно из Библии (а так считается по крайней мере во многих формах христианства). Отношения веры и Библии можно понимать по-разному, и мы увидим, что это в высшей степени сложная проблема, – но предполагается, что они взаимно поддерживают друг друга, а не пребывают в противоречии.

Кстати, Послание Иакова может дать нам прекрасный пример – вот к нему и предлагаю вернуться. Если теория оправдания одной лишь верой поистине играет в христианстве центральную роль, тогда в строки Послания Иакова нужно вчитываться как в подтверждение этой мысли, пусть внешне их смысл говорит об ином. Должно быть, о том, что вера мертва без добрых дел, послание говорит не в прямом смысле, – а на самом деле в нем сказано, что настоящую веру можно увидеть только в добрых делах, совершаемых верующими: без таких дел их вера только мнима. (Может быть, это и есть верное истолкование Послания Иакова, но я говорю лишь о том, что приверженность идее согласованности Библии с христианским учением обязывает толковать его именно так – в той или иной степени.) Примирение Библии с традициями веры – дело непростое, пусть даже те, кто им занимается, могут сказать, что примирять-то и нечего, а вера и Библия сочетаются идеально, просто иногда нужно показать, что это так – из-за того, что верующие порой сомневаются и боятся. А я, помимо прочего, стремлюсь показать другое – то, что на самом деле непримиримые моменты есть, а вероисповедания, притязающие на единодушие

с Библией, совпадают с ней не во всем, хотя и очень тесно связаны. В более консервативных христианских и иудейских кругах этого сразу не примут, хотя есть и иудеи, и христиане, более открытые к идее о том, что религия и святой текст отличаются друг от друга. Впрочем, есть и те, кто даже не уделяет Библии особого внимания. Но условия спора, как правило, в обеих религиях устанавливают почитатели традиций. И я постараюсь охватить самые разные убеждения, имеющие отношение к Священному Писанию – по мере рассказа о том, как Библия и вера соотносились в веках.

Мир древний и современный

Итак, Библия ни в коей мере не исчезла из современного мира. Но она живет скорее как культурный или религиозный символ. Она отличается от других книг. И в светском мире, и в религиозном мире ее не читают – ее почитают. И в культуре, и в религии она воспринимается как уникальная, особенная книга, и многие вопросы, которые мы задаем о других книгах, просто игнорируются. Как ее написали? Кем были ее авторы? И прежде всего – каков ее истинный смысл? Во многих христианских кругах заведомо предполагают, что Библия обращена к общинам современных христиан и что вопросы о ее истоках и истории – это дело десятое. Но более светские читатели, как и христиане менее консервативного толка, все же иногда задают такие вопросы. И, возможно, их удивит то, сколь на многие из них можно ответить.

Библия может считаться вполне современной книгой – в том смысле, что она по-прежнему жива в обычаях христианства и иудаизма. Но она определенно и древняя, и ее можно понять лишь как итог долгой и часто загадочной истории. Модель духовного авторитета, принятая в фундаментализме, и даже официальное отношение к ней в церквях, к фундаменталистам не принадлежащих, замалчивают этот исторический аспект, воспринимая Библию в каком-то смысле как единую книгу. Например, Церковь часто отвечает на те или иные вопросы «на библейских основаниях», оценивая Библию как единый и неразрывный источник – в отличие от разнообразия более поздних писаний. И с точки зрения истории это не только уводит нас по неверному пути, но и заглушает разные голоса в Библии, не позволяя нам их услышать – даже пусть почтение к Библии по-прежнему остается благоговейным. По словам англиканина Ричарда Хукера (1554–1600), великого литератора XVI века, «невероятные восхваления, воздаваемые людям, часто преуменьшают и

принижают доверие к тем похвалам, которые заслужены ими с полным правом, и подобным же образом нам надлежит, проявив великую осторожность, не приписывать Священному Писанию более того, чем оно может обладать, чтобы этим неправдоподобием не ослабить благоговейное почтение к его истинным преизобильным дарам» [22].

Хукер создает фон для моего отношения к Библии в этой книге. Я хочу показать, как она появилась, как развивалась, чему служила и как ее толковали на протяжении лет в христианстве и иудаизме. В ходе этого я подвергну сомнению склонность приверженцев религии воспринимать Библию как нечто столь уникальное, что ее нельзя читать, как любую другую книгу – «приписывать Священному Писанию более того, чем оно может обладать», как это выразил Хукер. И тем не менее, в то же время я не стремлюсь преуменьшать чувство, которое разделяют и верующие, и многие неверующие: чувство того, что Библия – это собрание великих книг. То, что она не идеальна (да и какая книга может считаться идеальной?), вовсе не значит, будто она плоха – напротив, в Священном Писании присутствуют одни из самых проникновенных текстов, какие только созданы родом человеческим. У меня нет намерения «ослабить благоговейное почтение к его истинным преизобильным дарам». Сперва это, возможно, поразит некоторых читателей и покажется некой неуклюжей попыткой сохранить баланс. Но, надеюсь, к концу книги я сумею показать: именно этот подход отдает должное реальной Библии, той, какой она является на самом деле, а не воображаемой Библии, существующей лишь в некоем теоретическом измерении. Вот что сказал об этом полтора века тому назад Чарльз Уиклиф Гудвин:

Если мы признаем, а исторически и по существу это так, что миссией еврейского народа было заложить на земле основы религии и что по воле Провидения народ этот стремился именно к такой цели, разве не наше дело и не наш долг рассмотреть то, как это происходило в действительности? И разве не следует нам, не строя для себя теорий о том, каким следует быть откровению – или как мы справились бы с этой задачей, если бы ее доверили нам, – спросить о том, как Богу было угодно это сделать?.. Есть расхожее мнение, согласно которому Библия, неся на себе отпечаток Божественной власти, должна быть завершенной, идеальной и безупречной во всех своих частях, и тысячи сложностей и нелогичных доктрин проистекли именно из этой теории [23].

План книги

Ветхий Завет, называемый также Еврейской Библией, пришел к нам с Ближнего Востока. И нам не понять его смысла, если мы не будем знать, как складывалась история Израиля в то время и какие языки звучали тогда на его земле. Я начну с IX–VIII веков до нашей эры, с эпохи великих пророков и двух царств, на которые разделился еврейский народ, когда книги начали обретать облик. Все, или почти все книги были завершены к эпохе Александра Македонского (356–323 гг. до н. э.).

Потом я перейду к содержанию Еврейской Библии и подробно опишу четыре ее главных жанра: прозаическое повествование, наставления в законе и мудрости, пророчества, а также псалмы и другие поэмы. Разнообразные стили повествований (глава 2) помогут нам лучше понять их характер и дадут кое-какие подсказки и об их авторах, и о том времени, когда сочинялись книги. А когда мы прочтем их, встанет проблема, к которой мы будем возвращаться снова и снова. Книги просто рассказывают историю! Они не дают указаний насчет того, во что верить или как поступать! Выходит, путь от библейского текста к религиозным верованиям и обычаям, принятым в иудаизме и христианстве наших дней, крайне извилист? Наставления в законе и мудрости (глава 3), как кажется, более откровенны в плане требований и советов. Но даже столь универсальные тексты, как Десять заповедей, предполагали наличие общества совершенно иного, нежели наше. И они были написаны именно для него – а сегодня их не применить, если не истолковать при этом очень широко. И в еще большей степени это справедливо для книг пророков (глава 4). Пророки творили в дни различных политических кризисов в израильской истории – и очень часто говорили загадками. И, наконец, я рассмотрю поэтические тексты (глава 5), особенно Псалтирь, и мы поговорим об истоках и назначении псалмов. Псалмы, согласно датировкам, появлялись в самые разные периоды истории Израиля, от эпохи царя Давида (XI или X века до нашей эры) до эры Маккавеев (II век до нашей эры). Одна важная теория предполагает, что псалмы предназначались для литургического богослужения в Храме Соломона, но многие из них могли возникнуть и как личные молитвы. С уверенностью можно сказать одно: псалмы дают краткое представление о многих религиозных темах, характерных для мысли Древнего Израиля, – и эти темы повторяются в позднем иудаизме и в христианстве.

Новый Завет, как и Ветхий, имеет смысл лишь на фоне своего исторического контекста. В главе 6 описан мир, в котором возникло христианство, и особенное внимание уделено расцвету иудаизма в различных общественных и религиозных группах: среди фарисеев, саддукеев и третьей группы, в будущем самой успешной – первых христиан. Самые ранние уцелевшие тексты этой новой религии – это не Евангелия, а послания апостола Павла, написанные, как указывает датировка, в 50-х годах нашей эры, примерно двадцать лет спустя после распятия Иисуса. Толкование посланий Павла – важная отрасль библеистики, и того, что в ней воцарится единодушие, пока, что говорится, не стоит опасаться. Но мы можем отобрать ряд важных элементов в его мировоззрении и учении – о спасении людей; об отношении христианства к иудаизму; о значении смерти и воскресения Иисуса; а также о том, как они связаны с апогеем человеческой истории, который, как считал апостол Павел, был близок и неминуем. Евангелия и Деяния апостолов (глава 8) возникли во второй половине I столетия. Сейчас почти всеми признано, что Евангелие от Марка появилось первым, а Евангелие от Иоанна – последним. Но как именно и где были написаны три синоптических Евангелия – от Марка, Матфея и Луки? Какими источниками пользовались их авторы? Для всех ли христиан предназначались Евангелия – или только для общины, в которой возникли? Эти вопросы бесконечно интересны библеистам. Скажем, Книга Деяний образует второй том Евангелия от Луки. Но была ли она написана одновременно с первым? Или гораздо позже? В этой главе я стремлюсь показать, как мало нам известно, несмотря на великое множество теорий.

Весьма распространено убеждение в том, что содержание Библии определялось на нескольких церковных Соборах, первый из которых прошел лишь в IV веке нашей эры, и там церковные авторитеты исключили значительный корпус трудов, сочтя их еретическими. В третьей части книги это убеждение оспаривается. На самом деле мало какие решения принимались о том, чему быть каноничным, а чему – нет. Все, или почти все книги Ветхого Завета (Еврейской Библии) принимались как Священное Писание при самой широкой и единодушной поддержке, и порой даже вскоре после того, как их сочинили. Споры возникали лишь на периферии. В ранней Церкви (глава 10), как и в иудаизме, книги принимались и цитировались задолго до того, как появлялись любые формальные постановления о рамках канона. Там, где такие постановления были, они, как правило, просто подтверждали уже существующее положение дел, в то же время оставляя кое-какие книги в непрестанно «подвешенном» состоянии. Книги, которые исключались активно (глава 11) почти всегда были написаны позднее и оказывались не столь надежны, как принятые. Тем, что у нас вообще есть Библия, мы обязаны

поколениям писцов, делавшим рукописные копии текстов. И дальше (глава 12) я перейду к тому, как они передавали Библию. Здесь проявится очень важный контраст: иудаизм уже давно наделил авторитетом единый текст Еврейской Библии, в то время как у христиан официального текста никогда не было – они располагали лишь множеством разных рукописных традиций. Все отпечатанные Еврейские Библии восходят к единому манускрипту XI века, а вот все отпечатанные экземпляры Нового Завета основаны на сравнении различных рукописей. Об искусстве такого сравнения я расскажу на примерах, и должен предупредить, что точный порядок слов в Новом Завете определить очень сложно: всему виной недостаток такого текста, с истинностью которого согласились бы все.

Есть ли у Библии единая тема или всеохватный смысл? Христиане, как правило, говорят «да». В главе 13 я попытаюсь определить эти тему и смысл, а наряду с этим устрою фон для последующих глав, в которых этот вопрос рассмотрен уже в деталях. В раввинистических прочтениях Библию склонны воспринимать не как неразрывное произведение, а как собрание изречений, каждое из которых способно пролить свет на другие. Я приведу примеры такого контраста в главе 14. Да, иудейские и христианские толкования временами влияли друг на друга. Но по большей части они формируют две отдельные системы, хотя в обеих Священное Писание по традиции толковали в поддержку своих религиозных воззрений. Эти воззрения частью взяты из Библии, частью нет. Очарование библеистики отчасти кроется именно в том, как взаимно влияют друг на друга поверхностный смысл библейского текста и те смыслы, которые вложили в него толкователи. В Средневековье (глава 15) склонность читать текст в свете своих верований проявляется еще ярче – впрочем, как и акцент на Библии (верно понятой) как на источнике всей религиозной истины. В эпоху Реформации (глава 16) Библию читали по средневековым лекалам – но тогда же и подготовили почву для критических вопросов, которым предстояло стать характерной чертой эпохи Просвещения и современной библеистики. Мартин Лютер особенно ярко проявил себя в роли первопроходца, готового оспорить части Библии на основе богословских принципов.

Обсуждение эпохи Просвещения и ее современного наследия (Глава 17) я начну с идей Спинозы (1632–1677). Спиноза сомневался в библейских чудесах и искал им естественных объяснений. А еще он оспорил традиционно приписываемое авторство библейских книг и ввел различие между смыслом текстов и их истинностью, ставшее ключевым для всех последующих библейских исследований. Библейская критика развилась в XVIII–XIX веках; именно тогда она и разработала типичные аргументы и выводы, представленные в первой части

этой книги. В главе 18 я исследую библейские переводы – начиная с III или II века до нашей эры, когда Еврейскую Библию переводили на греческий, и заканчивая нашей эпохой. Я рассмотрю версию короля Якова и ее наследие, а также дальнейшие попытки перевести Библию на английский с самого начала. Переводы ставят вопросы не только о смысле текста, но и о его истолковании, и в посвященной им главе я обсуждаю и те пути, по которым ряд современных переводов проник в споры толковников.

Да, изучение Библии бросает вызов религиозной вере и обычаям. Но оно же и питает их. И потому завершающую главу я посвящу размышлениям о том, как Библия относится к своим обетованиям, и о том, в чем именно она не полностью совпадает с иудаизмом и христианством.

I. Ветхий Завет

1. Древний Израиль: язык и история

Родина Библии – Восток Средиземноморья. Почти весь Ветхий Завет, названный так христианами, возник на землях, ныне принадлежащих Израилю и Палестине, причем большую его часть, вероятно, написали в Иерусалиме. Возможно, кое-что пришло из Месопотамии (ныне Ирак), куда многих евреев изгнали в VI веке до нашей эры, и из Египта, где с тех же времен обитала зажиточная еврейская община. Можно предположить, что в Ветхом Завете есть очень древние фрагменты, созданные в X, а то и в XI столетии до нашей эры. Но в наше время ученые склонны полагать, что первые книги Ветхого Завета возникли в VIII веке, в ту же эпоху, когда, как считают, творил Гомер, а последняя по времени – Книга Даниила[2 - Как в традиции иудаизма, так и у протестантов Книга Даниила не относится к пророческим.] – появилась во II веке до нашей эры.

Да, уже здесь нас поджидают сюрпризы! Как можно такое предполагать? А как же вера в то, что целые разделы Библии намного старше? А истории Авраама, Исаака, Иакова в Книге Бытия? Они ведь восходят ко второму тысячелетию до нашей эры! Да, библейская история охватывает очень долгий период. Но книги,

которые о нем рассказывают, не восходят в своей письменной форме к столь древним временам. Это почти несомненно. И ранние истории в Книге Бытия, и рассказы о деяниях Моисея в Книге Исхода – скорее всего, просто записанная версия сказаний, изначально передаваемых из уст в уста в культуре, по большей части неграмотной. Ряд библеистов даже склонен считать их сознательным вымыслом. (Достоин внимания тот факт, что и Моисей, и его предшественники после первых рассказов о них крайне редко упоминаются снова – до своего нового появления в литературе, которая, в чем мы уверены, восходит к VI веку до нашей эры; особенно это касается Книги пророка Исаии, глав 40–55.) Выходит, история об истоках Израиля – это в лучшем случае народная память, та самая, которая сильно теряет в точности спустя пару-тройку поколений. А значит, у нас почти нет никаких представлений об истории Израиля в те времена, о которых говорят первые книги Библии – Пятикнижие (на греческом это название звучит как «Пентатевх», «пять свитков»: Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие).

А что, если взглянуть на другой конец хронологии? Это вряд ли широко известно, но некоторые из книг Ветхого Завета появились позже древнегреческих трагедий и трудов Платона и Аристотеля. Отчасти все обстоит так потому, что поздние книги склонны притязать на древнее происхождение: Книга Екклесиаста (на иврите «Кохелет») притязает на то, что ее автором был царь Соломон, живший в X веке до нашей эры, а Книга Даниила – на то, что написана почти в то время, когда жил пророк Иеремия, то есть в годы Вавилонского плена, а это VI век до нашей эры. Но сейчас все сходятся на том, что обе книги – творения гораздо более позднего периода. Причем Книга Даниила создана весьма и весьма поздно – во II веке до нашей эры, в эпоху Маккавеев, бывших иудейскими борцами за свободу, а потом основавших собственную династию. Итак, Ветхий Завет не восходит к какому-либо единому периоду в истории Израиля, а рожден в самых разных временах и местах. Это национальная литература маленького народа: Израиль по размерам сходен с Уэльсом или со штатом Мэн. До современной эпохи Израиль был по-настоящему независим лишь на протяжении нескольких кратких столетий, возможно, с X по VII век до нашей эры. Все остальное время он пребывал под властью главных держав, правивших в регионе, будь то Египет, Ассирия, Вавилония – или эллинистические государства, что властвовали на Ближнем Востоке после смерти Александра Македонского в 323 году до нашей эры. Израиль сам по себе не играл никакой сколь-либо важной роли в геополитическом плане, но лежал в самом центре различных ближневосточных торговых путей и был открыт для влияний более крупных и значимых соседей.

И если мы хотим понять развитие национальной литературы Израиля, то должны держать в уме краткий очерк его истории, проходившей в древнем мире Ближнего Востока, – мире гораздо более обширном. Но история, воссозданная учеными наших дней, заметно отличается от ветхозаветной – и потому сперва мы коротко расскажем именно о последней, а потом перейдем к современным реконструкциям.

Библейская история

Ветхий Завет создает впечатление того, что корни израильского народа уходят в глубь второго тысячелетия до нашей эры. От времен Авраама, Исаака и Иакова, от жизни Иосифа и его двенадцати братьев до деяний Моисея минует очень много лет. Много их проходит и от дней Моисея до эпохи первых царей Израиля – Саула, Давида и Соломона. В Книге Бытия праотцы переселяются из Месопотамии в Землю Обетованную, но по-прежнему поддерживают отношения со своими родичами, оставшимися на востоке. После, в дни голода, они уходят в Египет, а Иосиф, ушедший туда прежде них – или, вернее, уведенный с караваном как раб, – к тому времени становится влиятельным египетским сановником. Ветхий Завет слегка упоминает о хронологии событий, позволяя нам предположить, что все они, возможно, свершились в XIV веке до нашей эры. Потом еврейский народ возвращается в Землю Обетованную – на этот раз с запада, из Египта, под предводительством Моисея. Евреи сорок лет странствуют по пустыне, получают Десять заповедей и другие законы и наконец входят в Землю Обетованную; возглавляет их уже Иисус Навин. Примерно к XI веку до нашей эры, уже обосновавшись в Земле Обетованной, они живут под властью людей, которых Ветхий Завет называет «судьями»: это племенные вожди, которые возвысились настолько, что стали править всем Израилем. Им противостоят другие местные народы, скажем, те же мадианитяне. Впрочем, первой серьезной угрозой становятся филистимляне, чужаки, пришедшие на запад Земли Обетованной (сейчас там сектор Газа). Местный вождь Саул, оказавшись на высоте положения, отражает нападение филистимлян и становится первым царем над всеми коленами Израилевыми на севере Земли Обетованной, – и лишь южное колено Иуды сохраняет свою независимость. Саул погибает в битве с филистимлянами, и ему на смену приходит Давид, иудей из Вифлеема. Он объединяет Иудею и Израиль в единое царство со столицей в Иерусалиме, но союз нестабилен и непрестанно рождает конфликты. В эпоху Давида и его сына Соломона Израиль расширяет свое господство на земли

малых народов, населяющих округу – Моав, Аммон, Идумею и даже Арам (ныне Сирия), так что можно говорить даже об Израильской империи. А помимо этого, Соломон строит в Иерусалиме величественный храм – как центр почитания Бога.

Это апогей истории Израиля – в том виде, в каком ее представляет Ветхий Завет. После смерти Соломона старый раскол между севером и югом проявляется вновь и возникают две области: Южное царство, или Иудея, и Северное Израильское царство. Последнее иногда называют «землей Ефремовой» – по имени главного колена, населявшего его территорию. Впрочем, творцов Ветхого Завета – которые, как можно предположить, по большей части жили в Иерусалиме – интересует именно Иудейское царство. И все же у нас есть истории и о севере – те же предания о пророках Илии и Елисее, вершивших свои деяния в IX веке до нашей эры при разных царях. Среди этих правителей были и печально известный Ахав, и его царица Иезавель, причисленные в ветхозаветной Третьей книге Царств к отступникам от истинной религии Израиля за поклонение богу Ваалу. Израиль непрерывно, хотя и не очень решительно, воюет с Арамом на протяжении всего века, пока в VIII столетии до нашей эры Ассирийская держава со столицей в Ниневии (в наше время там неподалеку Мосул), стремительно возрастив боевую мощь, не уничтожает Северное царство.

И пошел царь Ассирийский на всю землю, и приступил к Самарии, и держал ее в осаде три года. В девятый год Осии взял царь Ассирийский Самарию, и переселил Израильтян в Ассирию.

4 Цар 17:5–6

Иудейское царство, как говорит нам Библия, выживает и остается крошечным и независимым, но в начале VI века до нашей эры, в свою очередь, падает под натиском вавилонян, к тому времени занявших место ассирийцев. Храм уничтожен, земля разорена. Так начинается Вавилонский плен: все вожди или казнены, или уведены в Вавилон, и оставлены лишь «несколько из бедного народа земли» (4 Цар 25:12).

Ветхий Завет называет ряд важных деятелей эпохи Вавилонского плена – главным образом это Иеремия и Иезекииль, – но почти ничего не сообщает нам о том, что делали изгнанники и какие страдания им пришлось перенести. В том же VI веке до нашей эры, только чуть позже, персидский властитель Кир Великий

покоряет Вавилон, бывший под властью последнего вавилонского царя Набонида, и политика империи меняется: пленным позволяют вернуться в родные края.

...так говорит Кир, царь Персидский: все царства земли дал мне Господь Бог небесный, и Он повелел мне построить Ему дом в Иерусалиме, что в Иудее. Кто есть из вас, из всего народа Его, – да будет Бог его с ним, – и пусть он идет в Иерусалим, что в Иудее, и строит дом Господа Бога Израилева [1].

1 Езд 1:2-3

Группа евреев возвращается в Иудею и начинает заново строить Храм (как правило, его называют Вторым Храмом, отличая тем самым от изначального Храма, построенного при Соломоне). Об их деяниях гласят Книги Ездры и Книга Неемии. Все представлено так, будто именно Ездра и Неемия управляют жизнью евреев согласно Торе – великой книге закона, данной самим Богом; видимо, под ней нам следует понимать Пятикнижие. После Книги Неемии мы узнаем еще кое-что о периоде владычества персов, и, судя по Ветхому Завету, значимая история Израиля – проходящая под водительством Бога Израилева – в той или иной степени завершена. Попытку рассказать о жизни еврейского народа при персах предпринимает лишь Книга Есфири.

В конце IV века до нашей эры, а если точнее, то в 333 году до Рождества Христова, в битве при Иссе, Персию сокрушает Александр Македонский. О том, как евреи живут в Земле Обетованной при его преемниках, мы читаем уже только в Книгах Маккавейских[3 - Книги Маккавейские отчасти включены в канон в православии и католичестве, но ни в Еврейской Библии, ни в протестантском каноне их нет. Протестанты относят эти книги к апокрифам.]. И узнаем, что один из преемников, Антиох IV Эпифан, в начале II века до нашей эры пытался искоренить иудаизм, но против него выступили Иуда Маккавей с братьями. Иосиф Флавий, иудейский историк, сообщает нам, что потомки Маккавеев основали в Иерусалиме новую царскую династию, и впервые со времен Вавилонского плена иудеями правил царь-еврей. Но эти сведения исходят не из Ветхого Завета: там история Израиля сходит на нет еще в эпоху персов.

Современные реконструкции

Наверное, в истории Израиля – в ее «ветхозаветном» виде – нет ни единого эпизода, во мнениях о котором ученые наших дней согласны во всем. Одни, ревностно следуя традициям, воспринимают ветхозаветное повествование как вполне точный отчет о событиях – если не доказано обратное, – и склонны считать даже рассказы о раннем Израиле (до монархии) правдивыми в общих чертах [2]. Другие, которых часто называют минималистами, полагают, что история эта – по большей части вымысел. Некоторые даже полагают, что очень малая часть Ветхого Завета была написана до эпохи Александра и его преемников, иными словами – прежде IV века или даже начала III столетия до нашей эры. Почти все ученые, изучающие Ветхий Завет, пребывают меж этих двух крайностей. Датировать библейские тексты необычайно сложно. У нас нет манускриптов, восходящих к библейским временам, и самые древние наши источники – это свитки Мертвого моря, созданные самое раннее во II веке уже нашей эры. Поэтому основой датировки могут стать лишь содержание библейских книг, их стиль и их лексикон – а не веские доказательства, скажем, такие, как время создания реальных свитков, – и полного согласия нам не достичь. А кроме того, трудно не поддаваться впечатлению того, что воссоздание истории Израиля по большей части зависит от темперамента исследователей, вовлеченных в него, и от их скептицизма или, напротив, легковерия, а часто и от их религиозных установок. Считают ли они Библию Святым Писанием – то есть священным текстом, обладающим признаками, о которых мы кратко говорили выше? Равнодушны ли они к этой идее? А может, враждебны по отношению к ней? И пока мы пытаемся узнать хоть что-нибудь ценное об истории Израиля и выстроить прочный исторический остов, в рамках которого сможем решать, когда были написаны разные книги Библии (а ведь именно это нас сейчас и заботит), можно просто прийти в отчаяние. Ведь если у нас нет согласованной истории народа, нам никогда не написать историю его национальной литературы!

Впрочем, это неуместный пессимизм. На самом деле историю Израиля в определенные периоды воссоздать можно. И мы часто можем сказать, где библейское повествование приближается к вымыслу, а где оно основано на исторической действительности. Древняя история – период, предшествующий расцвету монархии – поистине фрагментарна. В Библии патриархи (Авраам, Исаак, Иаков и его двенадцать сыновей) и поколение, возглавленное Моисеем, представлены как последовательные: Авраам приходит в Землю Обетованную, его потомки отправляются в Египет, потом они же под началом Моисея

возвращаются назад. Но, возможно, мы заметим здесь иные, фундаментальные традиции. Одни предки израильского народа пришли с востока, из Месопотамии или Сирии; другие – с запада, из Египта. Ряд ученых предполагает, что Библия упорядочила традиции, желая создать впечатление того, что еврейский народ испытал и то, и другое. Но за объединенной историей кроются две другие, совершенно различные, и произошли они с двумя абсолютно разными группами [4]. В обоих преданиях видна уверенность в том, что израильтяне не происходили из Палестины, а пришли откуда-то еще, и эта идея, как кажется, прочно укоренена в традициях Пятикнижия. Но предания отражают впечатления и народную память тех, кто населял Землю Обетованную в период, который мы ассоциируем с эпохой «судей», которая предшествовала монархии! Они почти ничего не говорят о втором тысячелетии до нашей эры! «Израиль» один раз упоминается на стеле, найденной в египетских Фивах в 1896 году – в памятной надписи в честь одержанной над ним победы. Стела принадлежит Мернептаху, фараону Египта. Возвели ее, скорее всего, примерно в 1215 году до нашей эры – и это знак того, что люди, называвшие себя израильтянами, в XIII веке до нашей эры уже населяли Палестину, бывшую в то время под властью египтян. Но больше нам ничего о них не сообщают. Да и Израиль, помимо этого случая, никогда не упоминается ни в каких древнеегипетских текстах.

В XX веке некоторые библейские археологи развили теорию, согласно которой в преданиях о патриархах отражены обычаи, известные по текстам второго тысячелетия до нашей эры – из месопотамских документов, найденных в городах Мари и Нузи, – а не те, по которым жили в более поздние времена в Израиле. И потому, уверяли они, эти предания истинны – или, по крайней мере, основаны на традициях того периода! Например, в Книге Бытия есть три истории, в которых один из патриархов выдает свою жену за сестру, после чего ее забирает в свой гарем чужеземный правитель, а мужа благодаря этому оставляют в живых (Быт 12, 20, 26).

Когда же он [Аврам] приближался к Египту, то сказал Саре, жене своей: вот, я знаю, что ты женщина, прекрасная видом; и когда Египтяне увидят тебя, то скажут: это жена его; и убьют меня, а тебя оставят в живых; скажи же, что ты мне сестра, дабы мне хорошо было ради тебя, и дабы жива была душа моя чрез тебя.

Быт 12:11-13

Сторонники такой теории утверждали, что в Мари и правда порой заключались браки между братом и сестрой, а в Израиле в более поздние времена кровосмесительная связь считалась инцестом. Выходит, эти предания – из «доисторических» времен! И у нас есть верные сведения о древнейших праотцах народа Израильского! [5] Впрочем, со временем от такой цепочки рассуждений по большей части отказались. В этом конкретном случае вся суть истории в том, что женщина, о которой идет речь, не приходится сестрой патриарху. Называя ее «сестрой», он стремится себя защитить, идет на обман и скрывает истину, а вот это как раз и предполагает, что сестры не могли быть еще и женами, – как и обстояло в исторические времена. Мы все еще можем верить в то, что предания о патриархах хранят некую народную память из прежних эпох. Их имена в более позднее время встречаются в Израиле весьма нечасто. Может, они и правда происходят из эпохи, предшествующей монархии? Но насколько именно они древние – этого мы сказать не в силах [6].

Сходная ситуация и с именами, связанными с Исходом. Иногда они несомненно египетские. Отзвук имени Моисея слышен в широко известных египетских именах, таких как Тутмос. Аарон и Финеес, другие герои предания, тоже наделены египетскими именами. Должно быть, традиция Исхода сохранила некую народную память о том, как праотцы Израиля пребывали в Египте. Но это вовсе не значит, будто они непременно были потомками той группы, которая во главе с патриархом изначально пришла с востока, из Месопотамии. И возможно, мы, как предполагалось выше, имеем дело с двумя параллельными потоками воспоминаний. Неясно даже, чье предание древнее. Если стела Мернептаха сообщает о группе, заселившей земли под предводительством Иисуса Навина, преемника Моисея, а предания о эпохе патриархов касаются народа, жившего под властью людей, которых мы называем «судьями», тогда, вероятно, традиции в Книге Исхода на самом деле древнее тех, что отражены в Книге Бытия. Племена, над которыми властвуют «судьи», носят имена двенадцати сыновей Иакова, и может быть, предания о них, приведенные в Книге Бытия, могли легко отразить народную традицию из эпохи «судей». Впрочем, это все спекуляции, и вполне вероятно, что последовательность рассказов, которую предлагает нам Библия, верна.

И что нам теперь делать? Ведь уже одно это раздирает библейскую историю о Древнем Израиле на лоскуты! Что у нас остается? Чувство того, что праотцы израильтян не родились в Палестине, а пришли откуда-то еще – как те же филистимляне, которые в то же время явились, скорее всего, с Крита? Недавние археологические находки ставят под сомнение даже это! [7] Книга Иисуса Навина создает впечатление того, что израильтяне покорили Землю

Обетованную в ходе сражений с хананеями. Но раскопки древних израильских поселений ничем не свидетельствуют о том, будто повседневная жизнь хоть как-то прерывалась: да, население возросло, но нет свидетельств широких разрушений, и ключевые маркеры идентичности – те же типы гончарных изделий – остаются неизменными. И потому кажется, что любые чужаки, скорее всего, были немногочисленны и приходили редко. Впрочем, прародители некоторых израильтян, видимо, все же явились откуда-то из-за границ Земли Обетованной – иначе сложно понять, почему возникли и развились такие традиции: мало где обретаешь блага, представляя себя как детей иммигрантов.

Но археологические свидетельства, а вместе с ними – анализ библейских повествований и то, что нам известно о создании народной памяти, предполагают, что большая часть поздних «израильтян» на самом деле относилась к хананеям, иными словами – к потомкам изначальных насельников Земли Обетованной. Мало кто верил, будто все пошло от евреев, некогда ушедших с Моисеем из Египта, и неведомо, что их вдохновляло – теология или идеология. Но со временем народ впитал эту идею и перенял ее. И в дальнейшем весь Израиль, ликуя, праздновал Песах, почитая освобождение евреев из плена Египетского, – хотя на самом деле предки многих и ведать не ведали про Египет. Когда создается нация, часто ширится и народная память, изначально важная лишь для немногих. Американцы ведь празднуют День благодарения! И даже те, чьи предки о нем и не знали – а таких большинство! Да и история у многих жителей Америки совершенно иная.

Даже в XI-X веках до нашей эры – эпохе первых царей – нелегко быть уверенным в том, что мы ступаем на твердую почву. Раскопки в Иерусалиме показали: в то время он не был большим городом [8]. Да, в конце второго тысячелетия до нашей эры, в ту эпоху, когда Египет правил Ханааном и возвели стелу Мернептаха, Иерусалим сохранял свою важность как административный центр. Но Библия представляет Давида и Соломона как императоров, покоривших все соседние народы и строивших с величайшим размахом! Почти несомненно, что это преувеличение. В Ветхом Завете очень много преданий об этих царях, как и об их предшественнике Сауле, но современные историки склонны полагать, что эти рассказы сродни художественному творчеству. Впрочем, вполне вероятно, что основаны они на некоторых поистине исторических сведениях.

На самом деле лишь начиная с IX-VIII веков до нашей эры библейский рассказ начинает подтверждаться записями из внешних источников. И свидетельства показывают, что он предвзят, но, вероятно, соприкасается с исторической

действительностью. Ассирийцы вели хроники отношений с Северным Израильским царством и упоминали его как «дом Амврия» («дом Омри»). Как гласит шестнадцатая глава Третьей книги Царств, Амврий был не столь значительным царем, и двенадцать лет его правления характеризуются главным образом его неповиновением Богу Израилеву и поклонением иным богам – в этом, как правило, и винили владык Северного царства. А вот согласно ассирийским хроникам, Амврий был важным и влиятельным правителем. Даже в VIII веке до нашей эры за Израилем сохраняется имя «дома Амврия», а Ииуй – царь, который, согласно девятой главе Четвертой книги Царств, сверг династию Омридов – упоминается как «сын Амврия» на Черном обелиске (ныне обелиск находится в Британском музее в Лондоне), где изображено, как он присягает на верность Салманасару III, царю Ассирии. Под властью Амврия и его династии Северное Израильское царство процветало и сохраняло независимость – и, возможно, было могущественнее Иудейского царства, своего не столь богатого южного соседа [9].

VIII век до нашей эры – это время, когда у нас впервые появляются ясные исторические свидетельства о жизни обоих царств. Библиисты в большинстве своем полагают, что именно в эту эпоху появились первые достоверные писания. Вероятно, именно тогда начали собирать и редактировать и предания о прежних царях, и народную память о времени, предшествующем монархии. Кроме того, с этого периода мы обретаем изречения пророков – таких как Амос, Исаия, Осия и Михей; впрочем, на их слова, как мы увидим в главе 4, наложены поздние добавления. В тот период обоим царствам выпала краткая передышка от вторжений иных держав. Арамеи, доставившие столько хлопот в предыдущем столетии, почти не оказывали противодействия, а ассирийцы несколько лет бились на других фронтах, особенно на северном, где им чинило неприятности государство Урарту. Несколько десятилетий, с 760 по 730 год, Израиль и Иудея наслаждались свободой и покоем и, можно даже сказать, процветали. Пророки были дальновиднее других – и уже предчувствовали, что это процветание будет кратким; так оно в конечном итоге и оказалось. В 745 году на престол Ассирии взошел Тиглатпаласар III, сторонник экспансии. Он двинул войска на запад, и к концу века не имевшее прочно установленной династии Северное царство, которым всегда было сложнее управлять, нежели Южным, было уничтожено и превратилось в ассирийскую провинцию. Иудея (величиной со среднее английское графство) осталась единственной жизнеспособной частью «народа Израильского»: иудеи по-прежнему именовали себя так [10].

О судьбе Иудеи в VII веке до нашей эры мы узнаем из завершительных глав Четвертой книги Царств, а также из обширных повествовательных разделов

Книги пророка Иеремии – и многие библеисты, изучающие Ветхий Завет, считают эти источники надежными; по крайней мере, те согласуются с хрониками Ассирии и Вавилона. Ассирия подпала под власть Вавилонии в 612 году до нашей эры (эта победа отражена в библейской Книге пророка Наума). Но для иудеев все стало только хуже. Такое впечатление, что прежде чем вавилонский царь Навуходоносор окончательно уничтожил Южное царство – а это случилось в начале VI века до нашей эры, – последние иудейские цари верили, что смогут избежать вавилонского ига. Иеремия, возвещавший свои пророчества в последние годы Иудеи, непрестанно убеждал предводителей принять господство Вавилона и не предпринимать никаких безрассудных авантур во имя возвращения независимости, но все было напрасно. В 598 году до нашей эры вавилоняне вторглись в Иудею и увели из Иерусалима царя Иехонию со множеством свиты и сановников.

В то время подступили рабы Навуходоносора, царя Вавилонского, к Иерусалиму, и подвергся город осаде. И пришел Навуходоносор, царь Вавилонский, к городу, когда рабы его осаждали его. И вышел Иехония, царь Иудейский, к царю Вавилонскому, он и мать его, и слуги его, и князья его, и евнухи его, – и взял его царь Вавилонский в восьмой год своего царствования.

4 Цар 24:10–12

Иехонию сменил иудейский царь Седекия, вавилонский ставленник. Одиннадцать лет спустя, подстрекаемый безрассудными советниками, он открыто восстал. На этот раз армия Вавилона опустошила Иерусалим, разрушила храм, увела Седекию – и вавилоняне его ослепили, а прежде казнили его сыновей у него на глазах. Иудея перестала существовать как государство. Впрочем, что вполне естественно, в Земле Обетованной оставались многие, и чиновник по имени Годолия правил ими из города под названием Массифа, расположенного к северу от разоренного Иерусалима. Всего через несколько лет Годолию убил один из притязавших на престол, и после этого мы больше ничего не знаем о событиях на родине иудеев.

Вероятно, Вавилонский плен коснулся лишь части жителей, населявших Иудею до изгнания, и в Библии могут присутствовать сочинения оставшихся – та же Книга Плача (скорее всего, она, вопреки устоявшемуся мнению, не принадлежит Иеремии, хотя и близка ему по духу). Видимо, общину в изгнании возглавил пророк Иезекииль. Как мы увидим, его значимые литературные труды вполне

могли расходиться среди изгнанников. Тех не наказывали и не заключали в темницы, им даже дали устроить поселение, и с тех пор в Вавилонии всегда были евреи. Иехония явно считался законным царем, и, согласно записям на клинописной табличке («хронике Вайднера»), его даже снабжали провизией – это подтверждает такой библейский рассказ:

В тридцать седьмой год переселения Иехонии, царя Иудейского, в двенадцатый месяц, в двадцать седьмой день месяца, Евилмеродах, царь Вавилонский, в год своего воцарения, вывел Иехонию, царя Иудейского, из дома темничного и говорил с ним дружелюбно, и поставил престол его выше престола царей, которые были у него в Вавилоне; и переменял темничные одежды его, и он всегда имел пищу у него, во все дни жизни его. И содержание его, содержание постоянное, выдаваемо было ему от царя, изо дня в день, во все дни жизни его.

4 Цар 25:27–30

В следующем столетии, как мы узнаем из табличек Мурашу (их нашли на территории, которая в наше время составляет юг Ирака), еврейская община, следуя совету Иеремии – обустроиваться и привыкать к жизни в Вавилоне (см.: Иер 29), основала предприятия и даже банк.

Мы не знаем, сколь тесно общались изгнанники с теми, кто остался в Иудее. Иезекииль, уведенный в плен в 598 году до нашей эры, говорит, что через двенадцать лет (в 587 году до Р. Х.) к нему явился посланник из Иерусалима и сказал, что город разрушен (Иез 33:21–22). Но бесспорно, что в те дни, когда Кир, царь Персидский, нанес поражение последнему вавилонскому царю Набониду, часть иудейских изгнанников вернулась в Землю Обетованную, стремясь снова устроить там жизнь народа и даже отстроить храм. В Книге Ездры даже вроде как сохранены версии указа Кира, гласящего именно об этом, хотя многие историки сомневаются в их достоверности [11]. В любом случае, персидские власти явно не препятствовали этому начинанию, и из книг пророков Аггея и Захарии мы узнаем, что к 520 году до нашей эры фундамент нового Храма уже заложили, а народом управляли потомок Иехонии по имени Зоровавель и первосвященник Иисус, сын Иоседека. С этого времени в жизни евреев появляются два «средоточия»: диаспора – в Вавилоне и других местах, в том же Египте, куда иудеи бежали после падения Иерусалима – и остальная часть в родных краях.

О том, что случилось за долгие годы, пока Израилем правили персы, мы можем только догадываться. Вероятно, к этому времени восходят различные книги Библии, в том числе Книга Иова; Книга Паралипоменон, или Летописи (она же Книга Хроник); возможно, впервые появляется Пятикнижие в его окончательной форме (многие его части, как мы увидим, относятся к более ранней эпохе). Но ни одна из этих книг не отражает исторических событий того периода. Даже когда по древнему Ближнему Востоку, изменив всю картину мира и власти, лавиной прошла армия Александра Македонского, Библия не отреагировала на это ровным счетом никак: в ней мы лишь увидим, сколь ощутимо влияли на еврейскую общину преемники Александра. В 323 году до нашей эры Александр умер. Империю разделили его полководцы. Палестина сперва перешла под власть Птолемеев, воцарившихся в Египте, и они, если судить по библейским свидетельствам, пусть и довольно скудным, правили еврейской общиной милостиво и благотворно. Но во II веке до нашей эры они лишились господства в регионе, уступив династии Селевкидов, правящей в Сирии.

В 160-х годах до нашей эры Антиох IV, правитель Сирии, сам себе давший прозвание Эпифан («Бог явил»), решил, что эллинизация евреев – иными словами, их обращение к греческим обычаям и образу жизни – проходит недостаточно широко. И он начал силой принуждать евреев к соблюдению тех практик, к которым многие из них относились с ненавистью и отвращением. Родителям не позволяли обрезать сыновей. Лояльность иудеев к империи проверяли, насильно кормя их свининой. Соблюдение шаббата запрещалось. К тому времени многие евреи уже привыкли к этим мерам и не сопротивлялись им [12], но группа ревнителей, возглавляемая семьей Маккавеев (само слово означает «молот»), выступила против Антиоха с оружием. Они вновь освятили храм, в котором царь прежде установил статую Зевса, и какое-то время правили еврейским государством: так оно впервые за много веков обрело свободу. Вскоре династия Маккавеев запуталась в тенетах политики, первосвященнические должности стали приобретать за деньги, и, как бы там ни было, независимость иудеев продлилась лишь до того момента, пока в Левант не пришли римляне. Палестина стала частью Римской империи, разделенной под властью различных местных владык, в той или иной степени бывших подданными Римской державы, и так было до 70 года нашей эры, когда Иерусалим разграбила римская армия под началом Тита – и так иудеи лишились национального государства, точно так же, как в VI веке до нашей эры.

И когда же за всю эту непростую историю были написаны книги Ветхого Завета? Эксперты, хоть и не без шероховатостей, сходятся на том, что библейские книги, скорее всего, восходят к эпохе не более поздней, чем IX–VIII века до нашей эры –

иными словами, к эпохе Амврия, Илии, Амоса и Исаии. До нее, как мы видели, «Израиль» являл собой довольно-таки туманное образование со слабо централизованной властью. Давид и Соломон, которые, как говорят, основали огромные империи, не оставили археологам почти никаких следов, и о них ничего не сказано в хрониках других народов, населяющих регион. Лишь в IX веке до нашей эры ассирийцы начинают упоминать «дом Амврия». Кажется невероятным, будто Израиль или Иудея могли прежде этого времени располагать неким подобием царской администрации. А она требовалась для появления писцов, способных создать библейские книги – и более того, именно ей предстояло этих самых писцов обучить [13]. Да, письменность возникла в Шумере (юг Ирака) в третьем тысячелетии до нашей эры, и примерно в то же время – в Египте, так что против того, что даже в древнейших народах могли найтись люди, владевшие искусством письма, принципиально не возразить. Но письменность в таких обществах всегда была прерогативой особого класса писцов. И клинопись, и иероглифическое письмо слишком сложны, чтобы мысль о широкой грамотности стала похожей на правду. А вот древнееврейский алфавит, напротив, довольно прост: в нем всего лишь двадцать две буквы. И тем не менее у нас очень мало свидетельств, способных подтвердить, что грамотность была широко распространена в Израиле прежде VII века до нашей эры. (Почти все наши доказательства из более ранних эпох исчерпываются календарем из Гезера – это краткий текст, в котором упоминаются времена года для различных сельскохозяйственных работ. Его нашли километрах в тридцати к западу от Иерусалима при раскопках и датируют, как правило, X веком до нашей эры. Но он никак не может подтвердить, будто грамотность в ту эпоху была повсеместной.)

Ученые ревностно спорят о том, была ли письменность вообще важна в Древнем Израиле и существовали ли там школы писцов – как, скажем, в Месопотамии и Египте, где они совершенно точно были [14]. Книги Ветхого Завета, что почти несомненно, не возникли как народная литература, а были созданы городской элитой Иерусалима и, возможно, других крупных городов, той же Самарии. Основой их вполне могли послужить не только ранние документы, те же государственные архивы, на подобие которых ссылаются Книги Царств («книга царей Израильских и Иудейских»), а и древние легенды, передаваемые из уст в уста. Отследить развитие и переход от устной традиции к письменному тексту – это одна из самых сложных задач в библеистике, и ее результаты в лучшем случае умозрительны. Как и при любом исследовании античного мира, у нас нет независимого доступа к какой-либо устной традиции, на которой основан текст. Да, можно предаться восхитительным фантазиям – но правда в том, что первые строки Библии как книги, скорее всего, появились лишь в IX веке до нашей эры,

и не раньше.

Книги, составившие тот свод, который мы сейчас называем Ветхим Заветом, вероятно, возникли в период с IX по II век до нашей эры. Это не обязательно значит, что записи о прошлых эпохах – чистый вымысел. Но очень трудно принять те подробности, о которых они сообщают, как исторические свидетельства, достойные доверия. Многие, читая Библию, признают, что рассказы о древней истории мира – Ноев ковчег, Вавилонская башня – это мифы или легенды. Но, может быть, гораздо сложнее помыслить о том, что предания об Аврааме, Иакове или Моисее – это тоже, по сути своей, легенды, даже пусть люди, носившие эти имена, вполне могли существовать. Конечно, ни у кого нет права сказать, будто эти предания совершенно точно не являются правдой. Но нет и справедливых свидетельств, которые могли бы подтвердить их истинность. Так же все обстоит и с преданиями о древних царях – о Сауле, Давиде и Соломоне, хотя рассказы о них и согласуются с тем периодом (XI–X века до Р. Х.), о котором нам кое-что известно благодаря находкам археологии. Что же касается более поздних царей, правивших в VIII–VII веках до нашей эры (скажем, Езекии и Иехонии), то сведения о них подтверждены хрониками Ассирии и Вавилона, и наш путь становится чуть светлей. Но даже ряд рассказов о жизни евреев после Вавилонского плена, в период владычества персов, вполне может оказаться фантазией: например, большинство библеистов сходится на том, что та же Книга Есфири – это, скорее, своего рода новелла, а не фрагмент исторического повествования. Впрочем, более поздняя датировка сама по себе не означает, что та или иная книга окажется менее точной: многое, как мы увидим в следующей части, зависит от жанра.

Итак, библейские книги Ветхого Завета охватывают временной промежуток в восемь веков, хотя и могут вбирать в себя более ранние письменные источники – те же древние поэмы, – а иногда, возможно, опираются на давние воспоминания, передаваемые из уст в уста. Но, видимо, большая часть писаний, возникших в Древнем Израиле, восходит к стержневому периоду – VI–V векам до нашей эры, и создавалась в особые периоды: например, многие полагают, что в эпоху Вавилонского пленения появилось очень много текстов. Вероятно, так же обстояли дела и в начале персидского владычества, хотя мы немного знаем о политических событиях того времени. Итак, расцвет израильской литературы наступил за пару веков до того, как в Греции настала эпоха классической античности. В общем и целом, Ветхий Завет древнее, чем большая часть греческой литературы, – но не сказать, что намного. А если сравнить его с литературами Древней Месопотамии или Древнего Египта, так он и вовсе «прибыл с опозданием».

Термин «Ветхий Завет»

Свод текстов, о котором здесь идет речь, я до сих пор называл «Ветхим Заветом». Но этот термин проблематичен. Так его называют христиане, по контрасту с Новым Заветом (кстати, термин «Новый Завет» восходит к Мелитону, епископу Сард [он умер в 180 году нашей эры]). Конечно же, в священные писания евреев Новый Завет не входит совершенно, и они предпочитают давать Ветхому Завету иное имя. Порой они ограничиваются простым «Библия», а иногда используют слово «Танах», образуя акроним по первым буквам трех разделов, на которые Библия разделена в еврейской традиции: это Закон (Тора), Пророки (Невиим) и Писания (Ктувим), и в их число входят Псалтирь, Книга Притчей Соломоновых, Книга Ездры-Неемии и Книга Хроник. В мире академической библеистики яро спорят о том, какой термин лучше. С «Ветхим Заветом» есть проблема: слово «ветхий» можно воспринять как негативное или уничижительное – «мол, те Писания ветхие и старые, а в Новом Завете у нас теперь есть кое-что и получше». Такой подход согласуется с давней христианской традицией, известной как теология замещения, или суперсессионизм: это убеждение в том, что христианство улучшило иудаизм и тем самым пришло ему на смену. Вероятно, основой подобного воззрения стала строка из новозаветного Послания к Евреям, где Иисус представлен как «ходатай нового завета» (Евр 9:15).

В современных академических сочинениях заметна склонность применять термин «Еврейская Библия» или «Еврейские Писания». У него есть свои достоинства: прежде всего, он совершенно не связан с религией, а создан в академическом мире, в рамках которого, за редкими исключениями, его и используют. Конечно, из-за этого термин «Новый Завет» оказывается в слегка трудном положении, поскольку нет ничего, чему служило бы контрастом слово «новый». Но, как принято считать, это достойная цена за термин, не выказывающий враждебности к иудаизму. Мы еще увидим, что термин этот неточен: не все в Еврейской Библии на самом деле написано на еврейском, – но все же он близок к истине. Впрочем, термин «Ветхий Завет» по-прежнему в ходу среди широкой публики и во многих христианских церквях, и он остается нормой в печатных христианских Библиях, а значит, достоин того, чтобы по-прежнему им пользоваться – при условии, что его будут применять нейтрально и без каких-либо намеков на суперсессионизм; более того, так его используют даже

некоторые еврейские ученые. В этой книге термины «Ветхий Завет» и «Еврейская Библия» в какой-то мере взаимно заменяют друг друга, причем первый присутствует чуть чаще в том контексте, где ветхозаветные книги рассматриваются как часть большей по охвату христианской Библии, а второй – когда на главный план выходят либо проблемы, имеющие отношение к евреям, либо чисто академические вопросы. Лично мне кажется, что название «Ветхий Завет» вовсе не искажено до такой степени, будто к нему совершенно нельзя прибегнуть. А иногда я воспринимаю его как термин, принятый по умолчанию – ибо именно так люди западной культуры в большинстве своем имели обыкновение называть этот свод книг.

Язык Ветхого Завета

Несмотря на все вышесказанное, слова «Еврейская Библия» напоминают нам о том, что изначально большая часть библейских книг была написана на так называемом библейском, или, как иногда говорят, классическом иврите. Иврит принадлежит к семитской семье языков, не связанной с европейскими языками[4 - Само слово «семитский» возводится к имени Сима, одного из сыновей Ноя, от которого, как считалось, пошли народы Леванта и Месопотамии. – Авт.]. На семитских языках говорил в древности весь Ближний Восток – и говорит на них по сей день. Самым значимым их примером в современном мире, возможно, послужит арабский. Он развился в важный мировой язык и в своей классической форме – как язык Корана – знаком многим в народах, чьи языки не входят в семитскую семью. Иврит принадлежит к северо-западной ветви семитских языков, наряду с другими местными языками южного Леванта – такими, как ныне исчезнувшие угаритский, финикийский и моавитский. Есть и другие ветви: к восточносемитским принадлежит аккадский, язык Ассирии и лингва франка всего Ближнего Востока почти до середины первого тысячелетия до нашей эры: именно на нем вели переписку египтяне и ассирийцы. (Шумерский язык, возникший еще раньше на территории, ныне принадлежащей Ираку, к семитским не относится. Он вообще не относится ни к какому из известных языков.) Древние и современные языки Эфиопии входят, как и арабский, в южносемитскую ветвь.

Еще один семитский язык северо-западной ветви – арамейский. Порой некоторые неверно полагают, что арамейский происходит от иврита или даже является его более поздней версией. На самом деле эти языки совершенно

различны, хотя и тесно связаны – столь же тесно, как, скажем, немецкий и нидерландский или испанский и португальский: они явно схожи, но это вовсе не значит, что говорящие на них поймут друг друга. Впрочем, арамейский намного важнее в аспекте истории. Возник он, вероятно, в Сирии (древний Арам), и со временем тоже возвысился до уровня ближневосточного лингва франка. В первом тысячелетии до нашей эры даже персы (чей родной язык относился к индоевропейской семье) вели на арамейском – как говорят, на имперском арамейском – дипломатическую переписку и административное управление. К эпохе Нового Завета арамейский уже заменил иврит в роли языка повседневного общения, и еврейские общины начали переводить на него Еврейскую Библию. Эти переводы получили название таргумов (см. главу 18). Совершенно ясно, что Иисус и его последователи говорили на арамейском, хотя они знали и Библию на иврите. Арамейский жив и сейчас – это литургический язык Ассирийской церкви Востока и Сиро-яковитской православной церкви. А в одной из своих форм, называемой сирийским языком [16], он широко представлен в христианской литературе. И пусть на Западе она не слишком известна, в ней прекрасные гимны и поэзия.

Иврит по-прежнему знали. На нем составлялась Мишна, подробнейший свод толкований иудейского Закона, или Торы, сведенный в единую систему в III веке нашей эры – и потому его называли мишнаитским. Люди, способные говорить и писать на иврите, оставались вплоть до XX столетия, когда он возродился, приобрел множество новых форм и конструкций и развился в современный иврит, национальный язык государства Израиль с 1947 года. В древние времена иврит был просто местным языком Израиля и Иудеи и не имел широкого значения. Именно Библия позволила ему выйти на большую сцену.

В первом тысячелетии до нашей эры многие евреи совершенно спокойно читали и на иврите, и на арамейском. Это поразительно ясно проявляется в самой Библии: в двух библейских книгах, сохранившихся до наших дней в своем самом раннем состоянии, присутствуют фрагменты на обоих языках. Это Книга Ездры и Книга пророка Даниила (обе они находятся в числе завершительных книг Еврейской Библии) [17]. В Дан 2:4 переход с иврита на арамейский происходит прямо в середине стиха, а потом книга продолжается на арамейском до самого конца седьмой главы. Есть разные теории, призванные объяснить, почему так случилось. Но, видимо, это знак того, что и автор, и читатели могли совершенно спокойно воспринимать и тот и другой язык, возможно, даже не замечая перемены. Известно, что люди, владеющие многими языками, иногда начинают фразу на одном и заканчивают на другом. Строго говоря, это означает, что термин «Еврейская Библия» не совсем верен, поскольку Библия не написана

исключительно на иврите, – но все же близок к истине, и это приемлемо.

Как уже упоминалось, в письменном иврите лишь двадцать две буквы, и главным образом все они отражают согласные звуки. В давние времена, как и в современном иврите, гласные на письме не отображались. Возможно, кому-то покажется, что из-за этого на языке сложно читать. Но в иврите гласные можно предсказать чаще, чем в том же английском, и во многих фразах прочесть текст, записанный лишь согласными, не сложнее, чем фразу на родном языке, скажем, такую: «В дрвнврйскм нт глснх», особенно если в прочтении, как здесь, помогает контекст. Но даже при этом еще в глубокой древности появился обычай отображать как согласные, так и гласные. Например, буква «йуд», которая, как правило, обозначает звук [й], может заменять гласные звуки [э] или [и]. Так и в английском буква у («уай») способна обозначать согласный звук, звуча как [й] (скажем, в слове yellow – ‘желтый’), и гласный, звуча как [и] (например, в слове easy – ‘легкий’). Подобное стали еще чаще практиковать в более поздних текстах. И в свитках Мертвого моря, в большинстве своем восходящих к I веку до нашей эры, эта более полная огласовка встречается чаще, чем в Еврейской Библии в ее традиционной форме. Следует этой практике и современный иврит.

Уже по прошествии долгого времени с начала христианской эры еврейские писцы начали разрабатывать изощренную систему обозначения гласных при помощи точек и черточек над буквами и под ними («вокалических значков»), как принято и в арабском. А значит, Библия в том виде, в каком мы читаем ее сейчас, содержит все слова в полной фонетической транскрипции. Да, система появилась значительно позже, нежели тексты, записанные с ее помощью. Но это не означает, будто она ненадежна: Библию по давней традиции зачитывали вслух, передавая произношение слов, и то, что записали масореты – те самые писцы, продумавшие систему вокалических значков – не было их изобретением. В наши дни библеисты склонны считать, что вокализация, в ее известном виде, порой неправильна – но в поразительном большинстве случаев практически несомненно верна. Масореты, трудившиеся с VI по X век в Палестине (в Тиверии и в Иерусалиме) и в Вавилонии, разработали приемы, позволяющие убедиться, что их вокализацию в точности передадут последующие поколения. А множество «пометок на полях», оставленных ими, привлекает внимание к любым неожиданным моментам, способным соблазнить будущих переписчиков на внесение изменений. У этих примечаний есть и название: Масора.

Современные печатные Библии, как правило, основаны на конкретном масоретском манускрипте, Ленинградском кодексе (в библеистике ему

присвоена сигла L). Он создан в 1008 году, и это самый древний полный манускрипт, которым мы располагаем. Но среди свитков Мертвого моря найдены намного более древние фрагменты – например, почти вся Книга пророка Исаии, причем сразу в нескольких манускриптах. Эти рукописи, которые появились на добрую тысячу лет раньше, чем Ленинградский кодекс, часто отличаются в важных моментах от текстов, известных нам. Хотя если взглянуть в общем и целом, переданы они на удивление точно. Мы определенно читаем те же самые книги, даже пусть порядок слов порой слегка изменен, а некоторые абзацы длиннее или, напротив, короче по сравнению с Ленинградским кодексом. Только в двух случаях, связанных с Книгой пророка Иеремии и Псалтирью, мы встречаем по-настоящему значительные различия в порядке и иногда даже в содержании глав, и это скорее исключение, а не правило. Но даже свитки Мертвого моря на несколько веков старше изначальных текстов – как и писания, дошедшие до нас из Греции и Рима, – так что для Еврейской Библии у нас нет «автографов», то есть рукописей, написанных изначальными авторами. Есть только более поздние манускрипты. Именно в этом и скрыта причина столь ярких противоречий во взглядах на датировку изначальных текстов: они непременно старше, чем свитки Мертвого моря, но насколько старше – об этом спорят каждый раз.

Впрочем, на самом деле почти во всем, о чем сказано в этой главе, библеисты единодушны. Кое-кто из них намного более оптимистичен в плане доверия к библейским преданиям о Древнем Израиле, но, в общем-то, все склонны сомневаться в точности ветхозаветных повествований до эпохи Амоса и Исаии, наступившей в VIII веке до нашей эры. А в том, что говорилось об иврите и масоретской традиции, царит совершенное согласие. Но вопросы, затрагиваемые в данной книге, имеют далеко идущие последствия. Истоки Библии, и в особенности Еврейской Библии, скрыты за темной пеленой. Как и любой свод книг, дошедший до нас из Древнего мира, Библия происходит из множества разных времен и создавалась в самых различных обстоятельствах. Ее исторические отчеты необязательно точны: отчасти потому, что в ней присутствуют легенды, а отчасти оттого, что подобные отчеты в ней всегда диктовались интересами и приверженностью рассказчиков. Скажем, идея, согласно которой Иудейское царство было важнее Израильского, может быть богословской или идеологической, но исторического суждения она собой не представляет. Еврейская Библия не составлялась в один день. Это антология книг. И, как мы увидим, порой эти книги сами по себе являются антологией. Приверженцы религии, как мы видели во вступлении, склонны полагать, что в общем и целом Библия непротиворечива и связана в единое целое, но это сложно показать эмпирически. И когда мы углубимся в историю Библии, первое, что нас поразит – это ее разнообразие и сложность.

2. Еврейские повествования

В Еврейской Библии есть великая поэзия. Но более чем треть ее – от Книги Бытия до Книги Есфири – написана прозой. Прозаический рассказ – главное средство, призванное поведать об истории Израиля и даже об истории мира, начиная с Сотворения и заканчивая периодом владычества персов. Дух античной греческой литературы воплощен в стихотворном эпосе (Илиада и Одиссея Гомера), это же справедливо и для эпических поэм Месопотамии (Эпос о Гильгамеше), но для еврейской литературы характерной формой изложения является повествование в прозе [1].

И именно так, в прозе, длится непрерывный рассказ обо всем – о Сотворении мира, об Адаме и Еве, о Ное и Всемирном потопе, о Вавилонской башне; об истории праотцов Израиля – Авраама, Исаака, Иакова; о жизни Иосифа (все это в Книге Бытия); затем следуют длинные повествования о свершениях Моисея (Исход, Левит, Числа, Второзаконие) и хроника покорения Земли Обетованной (Книга Иисуса Навина). Рассказы продолжают и говорят нам о «судьях» – начальниках местных племен (Книга Судей), о первых царях (Первая и Вторая книги Царств), переходят к периоду ассирийского и вавилонского господства (Третья и Четвертая книги Царств) и заканчиваются Вавилонским пленением. В Книге Паралипоменон предложен иной рассказ о том же самом периоде – от Адама до Вавилонского плена, – только он больше сосредоточен на эпохе монархии и в завершение упоминает о том, что уведенные в Вавилон евреи, возможно, сумеют вернуться в Иерусалим. На этом рассказ перестает быть непрерывным. Книги Ездры и Неемии относятся к событиям, случившимся в дни персидского господства, как и Книга Есфири, но чувство связной истории уже потеряно.

Три стиля еврейских повествований

Еврейские повествования не всегда одинаковы. Мы легко сможем различить три их стиля, вполне очевидные даже в переводах. В большинстве своем

прозаические книги – в число которых входят почти все библейские предания, известные широкой публике, – написаны простым и лаконичным стилем, который почти ничего не говорит ни о чувствах, ни о внешнем облике персонажей, и нам остается лишь самим судить о том, что скрыто в глубине [2]. Бог иногда играет роль в сюжете, но зачастую мы очень мало узнаем о том, как Он реагирует на описываемые события. Нам не говорят, одобряет ли Он то, что совершают герои, или не одобряет – вывод об этом приходится делать самим. Этот стиль я назову «стилем саги»: он напоминает мне стиль исландских саг – и в какой-то мере тоже склонен затрагивать сходные темы, скажем, события в семье. Этот термин нестандартен для библеистики, но, как мне кажется, параллели с кратким и резким стилем исландской саги делают его подходящим.

Вот пример такого стиля – из предания о том, как Давид воцаряется над Северным Израильским царством вместо Иевосфея, сына Саула, а помогает ему в этом один из генералов Саула, Авенир. Давид требует вернуть ему жену, которую отдали одному из подручных Саула:

И послал Авенир от себя послов к Давиду [в Хеврон, где он находился], сказать: чья эта земля? И еще сказать: заключи союз со мною, и рука моя будет с тобою, чтобы обратиться к тебе весь народ Израильский. И сказал [Давид]: хорошо, я заключу союз с тобою, только прошу тебя об одном, именно – ты не увидишь лица моего, если не приведешь с собою Мелхолы, дочери Саула, когда придешь увидеться со мною. И отправил Давид послов к Иевосфею, сыну Саулову, сказать: отдай жену мою Мелхолу, которую я получил за сто краеобрезаний Филистимских [3]. И послал Иевосфей и взял ее от мужа, от Фалтия, сына Лаишева. Пошел с нею и муж ее и с плачем провожал ее до Бахурима; но Авенир сказал ему: ступай назад. И он возвратился.

2 Цар 3:12–16

Как отмечает Джонатан Магонет: «Это всего лишь пара-тройка предложений посреди великих переговоров и соперничества царей – но в этих фразах заключена трагедия человека в вихре событий, над которыми он не властен; человека, чья жизнь и любовь уничтожены в мгновение ока и которому никак и ничего не изменить, – он просто пущен в расход» [4]. Автор не делает по этому поводу никаких комментариев: он просто заносит случай в хронику. И тем не менее все явно задумано именно с целью создать у нас впечатление того, как безутешен Фалтий, как жесток Давид и как он, возможно, сам любит Мелхолу,

которая поддерживала его в трудные времена (см.: 1 Цар 19:11–17).

Истоки «стиля саги» окутаны тайной. Если не считать свитков Мертвого моря, созданных в течение двух последних веков до нашей эры, у нас, помимо Библии, почти нет текстов на иврите – разве что отдельные надписи или фрагменты. И потому библейские предания – это единственное свидетельство такого стиля. Все совершенно иначе с Египтом или Месопотамией: там у нас тысячи текстов в их изначальной форме – на папирусах и на глиняных табличках. А в случае с Израилем у нас лишь библейские тексты, и манускрипты, их сохранившие, написаны гораздо позже, чем возникли сами предания (см. главу 12). Нам не сказать, как израильтяне сумели развить этот довольно сложный и в то же время лаконичный стиль прозы, и если Библия хорошо нам знакома, то мы можем и не осознать, сколь он примечателен.

Но есть и другие места. И в них мы находим рассказы, в которых божественное отношение к поступкам людей проявляется несомненно ясно. А кроме того, открыто судятся деяния героев – то, правильно или неправильно они поступили; впрочем, о том, что именно они сделали, говорится крайне мало. Подобное можно увидеть в частых «резюме», подводящих итоги жизни и свершений израильских и иудейских владык в Книгах Царств. Примером станет отношение к Амврию, правившему Северным царством где-то спустя столетие с эпохи Давида, в Третьей книге Царств:

В тридцать первый год Асы, царя Иудейского, воцарился Амврий над Израилем и царствовал двенадцать лет. В Фирце он царствовал шесть лет. И купил Амврий гору Семерон у Семира за два таланта серебра, и застроил гору, и назвал построенный им город Самариею, по имени Семира, владельца горы. И делал Амврий неугодное пред очами Господа и поступал хуже всех бывших перед ним. Он во всем ходил путем Иеровоама, сына Наватова, и во грехах его, которыми тот ввел в грех Израильтян, чтобы прогневать Господа Бога Израилева идолами своими. Прочие дела Амврия, которые он сделал, и мужество, которое он показал, описаны в летописи царей Израильских. И почил Амврий с отцами своими и погребен в Самарии. И воцарился Ахав, сын его, вместо него.

3 Цар 16:23–28

Об Амврии мы читали в предыдущей главе. Он играл значительную роль, пребывая на престоле; ему сопутствовал успех; и даже век спустя ассирийцы по-прежнему называли Израиль «домом Амврия». И все же автору Третьей книги Царств почти нечего о нем сказать, кроме того, что Амврий почитал идолов и тем обрек Израиль на грех, – как и его далекий предок Иеровоам, взошедший на престол в X веке до нашей эры, после Соломона. В рассказе нет описаний – лишь краткий итог совершенных дел. Стиль таких пассажей часто называют «второзаконническим», поскольку критерии, принятые ими для оценки людей, как кажется, восходят к Книге Второзакония. А она делала ярчайший акцент на том, сколь важно уничтожать местные святилища, где могли поклоняться идолам, и совершать богослужения в одном месте (предположительно, таким местом был Иерусалим):

Истребите все места, где народы, которыми вы овладеете, служили богам своим, на высоких горах и на холмах, и под всяким ветвистым деревом; и разружьте жертвенники их, и сокрушите столбы их, и сожгите огнем рожи их, и разбейте истуканы богов их, и истребите имя их от места того. Не то должны вы делать для Господа, Бога вашего; но к месту, какое изберет Господь, Бог ваш, из всех колен ваших, чтобы пребывать имени Его там, обращайтесь и туда приходите.

Втор 12:2–5

Кроме того, к чертам «второзаконнического стиля» относится и нагромождение синонимов, призванных обозначить закон Божий, например:

И было слово Господа к Соломону, и сказано ему: вот, ты строишь храм [5]; если ты будешь ходить по уставам Моим, и поступать по определениям Моим и соблюдать все заповеди Мои, поступая по ним, то Я исполню на тебе слово Мое, которое Я сказал Давиду, отцу твоему, и буду жить среди сынов Израилевых, и не оставлю народа Моего Израиля.

1 Цар 6:11–13

Позже, посвящая Богу возведенный Храм и вознося молитву, Соломон сам говорит «второзаконническим стилем»:

Да будет с нами Господь Бог наш, как был Он с отцами нашими, да не оставит нас, да не покинет нас, наклоня к Себе сердце наше, чтобы мы ходили по всем путям Его и соблюдали заповеди Его и уставы Его и законы Его, которые Он заповедал отцам нашим.

1 Цар 8:57-58

«Второзаконнический стиль» часто встречается и в Книге пророка Иеремии – возможно, в какой-то мере в знак того, что сама книга появилась в VII веке до нашей эры, примерно в дни реформ царя Иосии, которые, вероятно, коснулись и Иеремии. Здесь сосредоточенность на законе Божиим, или Торе, становится главным моментом религии. Это ранний пример того, чему в будущем предстояло стать нормой иудаизма вплоть до нашего времени: неустанное стремление верно упорядочить жизнь по божественным указаниям, закрепленным в предписаниях закона. Как мы увидим в главе 5, эту идею прославляют псалмы 18 и 118.

Третий стиль мы встретим во многих пассажах, особенно в Пятикнижии. Части, написанные им, называют, как правило, «Священническим кодексом». Вот его пример – он взят из предания о том, как израильтяне странствовали по пустыне под предводительством Моисея:

В тот день, когда поставлена была скиния, облако покрыло скинию откровения, и с вечера над скиниею как бы огонь виден был до самого утра. Так было и всегда: облако покрывало ее [днем] и подобие огня ночью. И когда облако поднималось от скинии, тогда сыны Израилевы отправлялись в путь, и на месте, где останавливалось облако, там останавливались станом сыны Израилевы. По повелению Господню отправлялись сыны Израилевы в путь, и по повелению Господню останавливались: во все то время, когда облако стояло над скиниею, и они стояли; и если облако долгое время было над скиниею, то и сыны Израилевы следовали этому указанию Господа и не отправлялись; иногда же облако немного времени было над скиниею: они по указанию Господню останавливались, и по указанию Господню отправлялись в путь; иногда облако стояло только от вечера до утра, и поутру поднималось облако, тогда и они отправлялись; или день и ночь стояло облако, и когда поднималось, и они тогда отправлялись; или, если два дня, или месяц, или несколько дней стояло облако

над скиниею, то и сыны Израилевы стояли и не отправлялись в путь; а когда оно поднималось, тогда отправлялись; по указанию Господню останавливались, и по указанию Господню отправлялись в путь.

Чис 9:15–23

Возможно, мы сочтем, что уловили суть, еще не дочитав пассаж. Для этого стиля характерны тягучие повторения и склонность к стереотипным формулировкам. Он совершенно иной в сравнении с вольным и спонтанным изложением, свойственным библейским «сагам». Ассоциация со священниками связана с тем, что многие пассажи, представленные в таком стиле, касаются не политики и не бытовых событий, а ритуальной чистоты, богопочитания и порядка богослужений. Классический пример «священнического стиля» – первая глава Книги Бытия:

В начале сотворил [6] Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один.

И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. [И стало так.] И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. И назвал Бог твердь небом. [И увидел Бог, что это хорошо.] И был вечер, и было утро: день второй.

И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так. [И собралась вода под небом в свои места, и явилась суша.] И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что это хорошо. И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя [по роду и по подобию ее, и] дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так. И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду [и по подобию] ее, и дерево [плодовитое], приносящее плод, в котором семя его по роду его [на земле]. И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер, и было утро: день третий.

И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной [для освещения земли и] для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов; и да будут

они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю. И стало так. И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды; и поставил их Бог на тверди небесной, чтобы светить на землю, и управлять днем и ночью, и отделять свет от тьмы. И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер, и было утро: день четвёртый.

И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной. [И стало так.] И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее. И увидел Бог, что это хорошо. И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле. И был вечер, и было утро: день пятый.

И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так. И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их. И увидел Бог, что это хорошо. И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, [и над зверями,] и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими [и над зверями,] и над птицами небесными, [и над всяким скотом, и над всею землею,] и над всяким животным, пресмыкающимся по земле. И сказал Бог: вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя; – вам сие будет в пищу; а всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому [гаду,] пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, дал Я всю зелень травную в пищу. И стало так. И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестой.

Так совершены небо и земля и все воинство их. И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал. И благословил Бог седьмой день, и освятил его, ибо в оный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал.

Здесь повторяются одни и те же формулировки – «и стало так», «по роду и по подобию», «и был вечер, и было утро» – и рассказ аккуратно выстраивается по модели: в большей части дней вершится один акт творения, и только в третий и шестой день – по два. (Некоторые полагают, что за этим скрыт рассказ о творении за восемь дней.) Медленное, неторопливое течение прозы слегка завораживает. В ней совершенно отсутствуют разнообразие и яркость «стиля саги». Авторы, предпочитающие «священнический стиль», редко рассказывают истории с обилием персонажей и любопытными случаями, а скорее декламируют эпизоды событий, превращенных в ритуал. Достоинство и мощь таких произведений несомненны – как и то, что их творцы отходят и от библейских «саг», и от сочинений «второзаконнической школы».

Предполагают, что «священнический стиль» восходит к тем, в чьей власти находился Второй Храм – или, возможно, к их предшественникам, которые в годы Вавилонского плена стремились детально проработать правила храмового богослужения и свести их в систему. В Книге пророка Иезекииля, священника, вершившего свои труды среди изгнанных, есть пассажи, представленные в схожем стиле – особенно в наставлениях, касающихся жизни в восстановленной Земле Обетованной (Иез 40–48). Примером самой современной аналогии, наверное, может стать юридический английский: в нем никогда не пытаются избежать повторений или многословия, поскольку необходимо совершенно точно выразить суть.

Мы могли бы ожидать, что в одном из этих трех стилей будут написаны целые книги – но оказывается, что в Еврейской Библии это совершенно не так. Даже в одном-единственном предании могут проявиться два стиля, а то и все три. Пример такой нелепости – вторая глава Третьей книги Царств, в которой «второзаконнический стиль» смешан со «стилем саги», отчего речь умирающего царя Давида весьма приводит в замешательство:

Приблизилось время умереть Давиду, и завещал он сыну своему Соломону, говоря: вот, я отхожу в путь всей земли, ты же будь тверд и будь мужествен и храни завет Господа Бога твоего, ходя путями Его и соблюдая уставы Его и заповеди Его, и определения Его и постановления Его, как написано в законе Моисеевом, чтобы быть тебе благоразумным во всем, что ни будешь делать, и везде, куда ни обратишься...

Еще: ты знаешь, что сделал мне Иоав, сын Саруин, как поступил он с двумя вождями войска Израильского, с Авениром, сыном Нировым, и Амессаем, сыном Иеферовым, как он умертвил их и пролил кровь бранную во время мира, обагрив кровью бранную пояс на чреслах своих и обувь на ногах своих: поступи по мудрости твоей, чтобы не отпустить седины его мирно в преисподнюю... Вот еще у тебя Семей, сын Геры Вениамитянина из Бахурима; он злословил меня тяжким злословием, когда я шел в Маханаим; но он вышел навстречу мне у Иордана, и я поклялся ему Господом, говоря: «я не умерщвлю тебя мечом». Ты же не оставь его безнаказанным; ибо ты человек мудрый и знаешь, что тебе сделать с ним, чтобы низвести седину его в крови в преисподнюю[5 - В изначальном тексте стоит слово «Шеол» - так называли подземный мир, безжизненную страну теней, куда души людей уходили после смерти. - Авт.].

3 Цар 2:1-3, 5-6, 8-9

В то время как основная речь (стихи 5-9, второй абзац вверху) вроде как вдохновляет наследника престола - Соломона, сына Давидова - свести старые счета и убить злейших врагов отца (ведь он «человек мудрый»), первый абзац, в котором приведены стихи 1-3, напротив, в явно «второзаконническом стиле» велит ему соблюдать закон и заповеди Моисея (которые политическое убийство не поощряют). Это противоречие лучше всего объясняется тем, что основную речь сочинили прежде, чем «второзаконнический» пассаж, - а потом добавили и его, пытаясь чуть приглушить постыдный призыв к кровожадной мести и перестроить образ царя, наделив его ролью проповедника закона. (В более поздних преданиях, приведенных в Книге Паралипоменон, Давид обратится главным образом в священника.) Если это и правда так, то вторая глава Третьей книги Царств - не единый и цельный текст, а такой, куда со временем внесли дополнения поздние сочинители. Такие «второзаконнические» вставки - не редкость в Еврейской Библии. Мартин Нот, немецкий ученый, исследователь Ветхого Завета, в 1943 году предположил [7], что целый корпус исторических повествований от Книги Иисуса Навина до Четвертой книги Царств самым тщательным образом отредактировали, чтобы его можно было читать как единое целое, и придали ему «второзаконнический» вид. И с тех пор, как появились труды Нота, эти книги, и в их числе саму Книгу Второзакония, принято называть «Второзаконнической историей» [8]. Эти исправления и дополнения ни в коей мере не устраняли целиком и полностью древний оригинал, и довольно большие отрывки, представленные в «стиле саги», в той или иной мере присутствуют на всем протяжении текста. Рассказы о Сауле и Давиде в Первой и Второй книгах Царств почти не проявляют признаков «второзаконнической» редакции - и потому образы обоих царей, представшие

перед нами, сложны и далеко отстоят от шаблонности «второзаконников». Цари изображены героями, но не лишены недостатков, и оба они – далеко не лучший образец для подражания в плане покорности Богу или свершения моральных деяний. Но во всех остальных случаях, особенно в Книге Судей и в Книгах Царств, рука «второзаконников» заметнее, и, вероятно, ярче всего она проявляется в пассажах, «подводящих итог» – в тех, где царей объявляли хорошими или плохими в зависимости от того, брались ли те уничтожать местные языческие святилища, как того требовала Книга Второзакония, или нет.

Выходит, «стиль саги» древнее, чем «второзаконнический», и более сложные истории, с обилием нюансов, предшествовали моралистическим рассказам и вставкам. Большинство ученых датирует «второзаконнический стиль» VII–VI веками до нашей эры, поскольку сама Книга Второзакония (или одна из ее ранних версий), как долгое время считалось, была связана с реформами богослужения при царе Иосии, а они, согласно 4 Цар 22:3, прошли примерно в 621 году до нашей эры. Как принято считать, при Иосии жертвоприношения стали совершаться в Иерусалиме, и это соотносится с главным требованием Втор 12. Таким образом, «стиль саги» оказывается древнее этого события и, вероятно, восходит к VIII веку нашей эры. А как мы видели в главе 1, к этому времени восходит и вся еврейская литература. Впрочем, это не значит, что «стиль саги» прекратили использовать. «Второзаконнический стиль» его не заменил, а просто кое-где, как говорится, «лег поверх». Итак, «Второзаконническая история» представляет собой редактуру древних преданий с расчетом на то, чтобы, пусть и небрежно, вписать их во «второзаконническую» повестку дня. Оба стиля – работа обученных писцов. Но те, кто записывал «саги», по большей части опирались на древние, и, вероятно, в основном устные источники, или же сочиняли свободно. А «второзаконнические» редакторы брали уже существующие писания и обновляли их в свете своих забот и проблем.

«Священнический стиль» мы по большей части встречаем в Пятикнижии. У него много примеров – таковы, скажем, предписания закона, часто связанные с порядком богослужения в Израиле. По сути, именно в «священническом стиле», как кажется, создан главный раздел Пятикнижия – вторая половина Книги Исхода, вся Книга Левит и первая половина Книги Чисел. Кроме того, «священнические» писания переплетаются с более древними «сагами» в Книге Бытия и в первой половине Книги Исхода, где ряд широко известных преданий о патриархах и Моисее представлен в двух версиях: в «стиле саги» и в «священническом стиле». В Быт 2:4–25 сохранена «сага» о сотворении рода человеческого. И от версии, представленной в Быт 1:1–2:3, она отличается не только в деталях (мужчина создан прежде женщины; они созданы в разное

время; сотворение животных проходит после того, как создан мужчина, но до создания женщины). Она отличается и стилем повествования, и это сейчас заботит нас больше. «Сага» гораздо больше, нежели «священническая» версия, похожа на предание. В ней Бог говорит с человеком, приказывает ему (не есть «с дерева познания добра и зла»), а потом экспериментирует с созданием животных, уготованных человеку в спутники, и когда это ни к чему не приводит, создает женщину. И в этом предании Бог намного ближе к персонажу рассказа, чем всемогущий образ в «священнической» версии сотворения мира. А кроме того, в «саге» нет никаких стереотипных формулировок.

Переплетение

Впрочем, «священнические» версии и «саги» не всегда просто соседствуют. Они порой и объединяются, порождая довольно-таки путанные истории, и это приводит в немалое замешательство. Классический пример – предание о Ное и Всемирном потопе [10] (Быт 6–9). Здесь мы встретим расхождения и в продолжительности потопа (сорок дней по одной версии, год по другой), и в том, сколь много животных вошло в ковчег – согласно тому, кто записал «священническую версию», их было «по паре» (Быт 6:19–20), а иная версия говорит о семи парах чистых животных и семи парах нечистых (Быт 7:2–3). Многие детали обеих версий восходят к глубокой древности. Мы находим их уже в месопотамских версиях предания о Всемирном потопе – среди таких можно назвать аккадский Эпос о Гильгамеше, созданный во втором тысячелетии до нашей эры [10]. К подобным деталям, например, относится эпизод, когда Ной выпускает из ковчега голубя и ворона, желая проверить, не сошла ли вода. Так что ни один из тех, кто записал Книгу Бытия, не сочинял свободно. Но они вносили в историю свои акценты. Кто бы ни записывал «священническую» версию (в библеистике условно принято обозначать такие версии литерой P, от первой буквы немецкого слова *Priesterkodex*, а также английского слова *priest* – «священник»), его явно волнует точная датировка, и он вписывает рассказ о Ное в гораздо более широкую хронологическую схему, проходящую сквозь всю Еврейскую Библию. Она проявится позже, в таких местах, как 3 Цар 6:1. А еще, кто бы ее ни записал, он предполагает, что любые законы о «чистоте» были неведомы до откровения, обретенного Моисеем на горе Синай. А значит, никакого различия на «чистых» и «нечистых», проведенного в позднем предании, во времена Ноя еще просто не могло возникнуть. И в итоге два связанных и логичных рассказа переплетаются в один слегка непоследовательный.

Этого, может, и не увидеть при поверхностном прочтении, но если вчитаться внимательно – скажем, представьте, что нужно сделать по этому преданию фильм и уделить внимание каждой детали, – то вскоре становится очевидным, что рассказ просто не сходится. Можно предположить (хотя на самом деле этого никто не знает), что редактор или редакторы Книги Бытия соединили обе версии, почитаемые в их время, желая их сохранить, но просто не могли поставить их рядом – как будто было два великих потопа, – и вплели один рассказ в другой. Какими бы ни были их мотивы, кажется, именно это они и сделали. С переплетением текстов мы встретимся еще не раз в обоих Заветах – и в Ветхом, и в Новом.

Это дает нам подсказку о том, как формировалось Пятикнижие. Если отложить в сторону пятую книгу, Второзаконие, которая по большей части представляет собой отдельный элемент, то Библия, начиная с Книги Бытия и заканчивая Книгой Чисел, будет сочетанием «Священнического кодекса» и тем, что к нему не относится (в библеистике такие источники обозначаются как 'pop-P', я же назвал их «сагами»). По традиции принято считать, что оба источника – и P, и pop-P – проходят сквозь текст от Книги Бытия до Книги Чисел и представляют собой непрерывный рассказ о древней истории Израиля. Выходит, Пятикнижие составлено по меньшей мере из трех источников: это «Священнический кодекс» (источник P); то, что в него не входит (источник pop-P); и Второзаконие. Нам уже знаком характерный лексикон «второзаконнических» писаний: это уставы, постановления, заповеди, определения и законы. «Священнический кодекс» и источники, не принадлежащие к нему, отличаются от «второзаконнических» не только лексиконом, но и стилем. Например, там, где «священнический стиль» применит выражение «поставлять завет», текст, взятый из других источников, прозвучит гораздо проще и просто призовет «заключить завет» [на иврите выбранный глагол еще любопытнее – karath, «отрубить»].

Есть и другая сложность: источники, не принадлежащие к «Священническому кодексу», могут сами по себе оказаться составными. Ряд ученых до сих пор придерживается восходящей еще к XVIII веку теории [12], согласно которой все сведения, не взятые из «Священнического кодекса», проистекали из двух различных источников, один из которых был чуть древнее другого. Эти источники различались в одном важном моменте, а именно в вопросе о том, когда израильтяне начали использовать имя «Яхве» как имя Бога[6 - «Яхве» – современное предположение о том, как в древности могли произносить имя Бога, записанное на иврите литерами YHWH. Как я объяснял в главе 1, в давние времена гласные на письме не отражались. Но как только изобрели систему, позволяющую отобразить их вокалическими значками – точками и черточками –

возник обычай (где, мы не знаем) отображать гласные звуки слова Адонай (Господь) вместе с согласными звуками, отражением которых была запись YHWH: именно в то время многие люди стали произносить имя «Господь». (В наши дни иудеи, соблюдающие предписания религии, склонны говорить просто «ха-шем», «имя».) Попытки христиан произнести это слово-гибрид привели к появлению письменной формы «Иегова», – впрочем, этого имени никогда не существовало в иудаизме. Обычай произносить имя «Господь», перешедший в Греческую Библию, продолжается и в Библиях современных: скажем, на английском имя YHWH передается заглавными буквами ('LORD') или капителью ('the Lord'). Есть кое-какие свидетельства, согласно которым имя произносилось как «Яху» или «Яхо», поскольку личные имена с этим окончанием часто имеют именно такую форму (например, имя «Езекия» на иврите звучит как Хизкияху), и некоторые греческие тексты упоминают о «боге Яо». В иудаизме это имя произносить нельзя, и христианские комментаторы Библии часто с уважением относятся к этому запрету, указывая имя в невокализованной консонантной форме YHWH. – Авт.]. Один источник (найденный в Быт 4:26) полагает, что так поступали еще задолго до эпохи патриархов, в то время как другой (Исх 3:13–15) утверждает, что впервые имя Бога было открыто Моисею, с чем согласны и творцы «Священнического кодекса» (Исх 6:2–3). В соответствии с этим первый источник свободно использует имя Бога в преданиях, предшествующих эпохе Моисея, а второй, наравне со «Священническим кодексом», начинает использовать это имя лишь после того, как Бог открывает его Моисею, явившись в неопалимой купине. Поскольку имя Яхве на немецком пишется как Jahwe, а именно немецкие ученые развили теорию об источниках и придали ей окончательную форму, первый источник сокращенно назвали источником J («Яхвист»). Второй был сокращенно назван источником E, от первой буквы еврейского слова Elohim («Элохим», откуда и его полное название – «Элохист»). На иврите «Элохим» – не собственное, а скорее нарицательное имя Бога, и в этой форме оно и применяется во втором источнике. И, кратко обозначив книгу Второзакония и «второзаконнические» пассажи, которые время от времени встречаются в первых книгах Пятикнижия, литерой D (от латинского Deuteronomium – «Второзаконие»), мы получим аббревиатуру JEDP – и ею сможем описать все источники, из которых и собиралось Пятикнижие.

В XIX столетии ученые приложили немалые усилия, пытаясь установить сравнительные даты четырех источников. Изначально предполагали, что самым древним был источник P, содержащий все законные правила для устройства святилища и богочитания и запреты употреблять ту или иную пищу. Но благодаря долгим исканиям и в особенности трудам Юлиуса Велльгаузена (1844–1918) [13] все постепенно склонились к мнению о том, что источник P на

самом деле появился позже других – даже после возвращения из Вавилонского плена, – и он, иными словами, восходит к VI–V векам до нашей эры. Мнение изменилось главным образом потому, что исторические книги, подробно излагавшие историю Израиля до Вавилонского пленения, по всей видимости, не содержали совершенно никаких сведений обо всей системе ритуальной чистоты, жертвоприношений и требований к питанию, обнаруженных в источнике P. Это был спорный вывод и во времена Велльгаузена, да и сейчас он остается спорным. Во многом именно источник P стал фундаментом позднего иудаизма, и когда Велльгаузен предположил, что «Священнический кодекс» появился так поздно, некоторые даже сочли его антисемитом. Велльгаузен описывал источник P как основополагающий документ не древней израильской религии, а иудаизма, и тем самым подразумевал, что между ними есть разрыв. Несомненно, иудаизм, явленный в источнике P, Велльгаузен считал упадочным в сравнении с религиозными прозрениями, например, великих пророков, которые, как ему казалось, звучали ближе к духу Яхвиста и Второзакония – источников J и D. Но эта субъективная оценка, в сущности, отделима от вопросов датировки. Можно согласиться с тем, что источник P появился сравнительно поздно, как считал Велльгаузен, но при этом счесть его религиозно глубоким – и даже развившим небрежное и грубое религиозное мировоззрение, проявленное в Яхвисте и Элохисте – источниках J и E. За вопросом о датировке источника P кроются важные проблемы, связанные с богословскими убеждениями и суждениями, и на карту поставлено многое. Так что этот вопрос остается одной из немногих областей библеистики, где ученые, исследующие христианскую Библию и Танах, часто держатся на расстоянии друг от друга.

Теория о разделении источников J и E в последние годы возродилась – благодаря сторонникам так называемой неодокументальной гипотезы [14]. Но большая часть ученых склонна говорить просто об источнике P и об источнике non-P (иными словами, о «Священническом кодексе» – и обо всем, что к нему не принадлежит), причем источник non-P считается более древним. В современной немецкой библеистике даже распространились воззрения [15], согласно которым источник non-P никогда не существовал как непрерывный, а составлен из блоков прежде независимых повествований. Иными словами, предания об Аврааме, Исааке, Иакове, Иосифе и Моисее, возможно, никогда изначально не существовали как единая «сага» ни в одном из источников, но могли передаваться независимо друг от друга в разных группах до тех пор, пока редактор Пятикнижия, уже по завершении Вавилонского плена, не свел их воедино. Это согласуется с предположением, сделанным в главе 1, согласно которому прибытие Авраама в Палестину с востока и переселение Моисея и его людей с запада, возможно, не совершались в указанном порядке, а проходили в

одно время, – а может быть, Авраам и его потомки даже жили после Моисея. Они вполне могут принадлежать к периоду, который мы, как правило, называем эпохой судей, то есть к XI столетию до нашей эры: именно тогда мы слышим о коленах Израилевых, названных именами двенадцати сыновей Иакова. Но, как бы ни соединились тексты, составившие источник pop-P, его отличие от источника P и источника D не вызывает сомнений. Стиль его, как мы видели, отличается от обоих, и лично мне кажется, что он по большей части восходит ко временам, предшествовавшим Вавилонскому пленению [16].

Недавно среди ученых, изучающих Ветхий Завет, проявилась склонность сдвигать датировку значительных разделов Еврейской Библии ближе к нашему времени. И теперь некоторые из них утверждают, что даже источник pop-P восходит к эпохе, наступившей вслед за Вавилонским пленением, – иными словами, они говорят, что он возник во время владычества персов. Будь это так, источник pop-P и источник P могли бы соотноситься не как более древний и более поздний, а как возникшие в одно и то же время и происходящие из разных течений мысли [17]. В любом случае правда в том, что те или иные писцы брали на себя обязанность соединять предания, оставляя большую часть каждого источника в целостности и сохранности.

В преданиях, представленных в других книгах, тоже проявляются знаки того, что те составлены из более древнего материала. И еще там встречаются нелогичные версии одних и тех же историй. К примеру, как Давид познакомился с царем Саулом? В 1 Цар 16 его представляют Саулу как человека, искусного в игре на гуслях – но в 1 Цар 17, где Давид убивает Голиафа, ясно, что Саул никогда не встречался с ним прежде. Впрочем, даже так в этих книгах есть пространные участки довольно-таки связных повествований. В «Истории двора Давидова», приведенной в 2 Цар 9–20 [18], где описаны дворцовые интриги, связанные с наследованием трона Давида [19], искусство создания характеров и сложность сюжета доходят почти до уровня романа, и здесь мало что свидетельствует о множестве исходных источников. Как и большая часть библейских повествований, не связанных со «Священническим кодексом», история увлекает читателей, и они переживают вместе с героями, даже пусть те и обозначены лишь через действия и автор не делает комментариев о том, что у них на душе. Когда Авессалом, сын Давида, восстает против отца и погибает от руки Иоава, одного из царских полководцев, мы видим, что Давиду это не приносит радости:

Вот, пришел и Хусий [вслед за ним]. И сказал Хусий [царю]: добрая весть господину моему царю! Господь явил тебе ныне правду в избавлении от руки всех восставших против тебя. И сказал царь Хусию: благополучен ли отрок Авессалом? И сказал Хусий: да будет с врагами господина моего царя и со всеми, злоумышляющими против тебя то же, что постигло отрока!

И смутился царь, и пошел в горницу над воротами, и плакал, и когда шел, говорил так: сын мой Авессалом! сын мой, сын мой Авессалом! о, кто дал бы мне умереть вместо тебя, Авессалом, сын мой, сын мой!

И сказали Иоаву: вот, царь плачет и рыдает об Авессаломе. И обратилась победа того дня в плач для всего народа; ибо народ услышал в тот день и говорил, что царь скорбит о своем сыне. И входил тогда народ в город украдкой, как крадутся люди стыдящиеся, которые во время сражения обратились в бегство.

2 Цар 18:31-19:3

Как говорилось выше, один пассаж во «Второзаконнической истории» (1 Цар 2) – это «сага», в которую писцы «второзаконнического стиля» внесли изменения, желая, чтобы она более традиционно и лестно представляла образ царя Давида. Возможно, вся «История двора Давидова» не раз подвергалась такой обработке. Американские ученые в большинстве своем уверены, что первая ее редакция прошла в VII веке до нашей эры, в дни царя Иосии, а еще одна – вскоре после Вавилонского пленения [20]. В то же время немецкая «Геттингенская школа» полагает, что «История двора Давидова» подверглась по меньшей мере двум последовательным переработкам, при каждой из которых, соответственно, оказывали свое влияние интересы пророков и священников [21]. Конечно, стоит помнить: у нас нет никаких текстов, кроме окончательной версии, и все ранние варианты – гипотетические, пока не найдут манускрипт хотя бы с одним из них. Впрочем, это не значит, будто такая гипотеза неразумна. Стоит внимательно присмотреться, и мы тут же увидим свидетельства того, что библейские повествования часто составлены из разных источников – и, следовательно, появились, когда переписчик, копируя ранний текст, что-то добавил или изменил.

Возможно, приведенный ниже пример переплетения позволит понять это лучше. Обратимся к Исх 24:

1. И Моисею сказал Он: взойди к Господу ты и Аарон, Надав и Авиуд и семьдесят из старейшин Израилевых, и поклонитесь [Господу] издали; 2. Моисей один пусть приблизится к Господу, а они пусть не приближаются, и народ пусть не восходит с ним. 3. И пришел Моисей и пересказал народу все слова Господни и все законы. И отвечал весь народ в один голос, и сказали: все, что сказал Господь, сделаем [и будем послушны]. 4. И написал Моисей все слова Господни и, встав рано поутру, поставил под горою жертвенник и двенадцать камней, по числу двенадцати колен Израилевых; 5. и послал юношей из сынов Израилевых, и принесли они всесожжения, и заклали тельцов в мирную жертву Господу [Богу]. 6. Моисей, взяв половину крови, влил в чаши, а другою половиною окропил жертвенник; 7. и взял книгу завета и прочитал вслух народу, и сказали они: всё, что сказал Господь, сделаем и будем послушны. 8. И взял Моисей крови и окропил народ, говоря: вот кровь завета, который Господь заключил с вами о всех словах сих. 9. Потом взошел Моисей и Аарон, Надав и Авиуд и семьдесят из старейшин Израилевых, 10. и видели [место стояния] Бога Израилева; и под ногами Его нечто подобное работе из чистого сапфира и, как самое небо, ясное. 11. И Он не простер руки Своей на избранных из сынов Израилевых: они видели [место] Бога, и ели и пили. 12. И сказал Господь Моисею: взойди ко Мне на гору и будь там; и дам тебе скрижали каменные, и закон и заповеди, которые Я написал для научения их. 13. И встал Моисей с Иисусом, служителем своим, и пошел Моисей на гору Божию, 14. а старейшинам сказал: оставайтесь здесь, доколе мы не возвратимся к вам; вот Аарон и Ор с вами; кто будет иметь дело, пусть приходит к ним. 15. И взошел Моисей на гору, и покрыло облако гору, 16. и слава Господня осенила гору Синай; и покрывало ее облако шесть дней, а в седьмой день [Господь] воззвал к Моисею из среды облака. 17. Вид же славы Господней на вершине горы был пред глазами сынов Израилевых, как огонь поядающий. 18. Моисей вступил в средину облака и взошел на гору; и был Моисей на горе сорок дней и сорок ночей.

Исх 24:1-18

Если просто быстро просмотреть этот текст, у нас останется впечатление, что Моисей и остальные поднялись на гору Синай, он получил законы, передал их народу, и избранная группа устроила трапезу в присутствии Божьем. Но стоит взглядеться пристальнее, и мы заметим странности. Сколько раз Моисей восходил на гору, ни разу не спустившись при этом вниз? Если он взошел на нее в стихе 9, то как же ему могли приказать взойти в стихе 12? И опять же, если он взошел на гору в стихе 15, как он мог опять взойти на нее в стихе 18?

И кто поднимался на гору вместе с ним? Согласно стихам 1 и 9 – Аарон, Надав, Авиуд и семьдесят старейшин. Но стих 13 гласит, что с Моисеем взошел Иисус Навин (прежде не упомянутый), в то время как Аарон и Ор (тоже прежде не упомянутый) остались со старейшинами, которые не пошли с Моисеем. А потом, в стихе 18, Моисей восходит на гору один.

Когда Моисей получил законы для народа? В стихах 3–8 он уже получил книгу, которую дал ему Бог, и народ обещает покориться ее законам. И все же в стихе 12 Моисею дается повеление взойти на гору и получить книгу, или, скорее, каменные скрижали.

Есть и различие в том, как определен Бог. В стихах 9–11 Он назван «Богом» (Элохим), но в стихах 15–18 Он – «Господь», Яхве. Мы уже видели, что это и есть одно из самых характерных различий в источниках Пятикнижия.

Здесь, как и в повествовании о Всемирном потопе, тоже, как кажется, переплетен ряд в той или иной мере связанных историй. В стихах 12–15 приводится один рассказ, довольно простой и прямолинейный: Моисей и Иисус Навин, его помощник, призваны взойти на гору, оставив Аарона и Ора взамен себя. В стихах 16–18 говорится, как Моисей взошел на гору один и присутствие Божье было подобно огню. Стихи 1–11 – это третье предание: Моисей уже получил закон, но восходит на гору со свитой, желая насладиться трапезой в присутствии Божьем. В этом рассказе Бога видит не только Моисей, Его видят все старейшины, и это не причиняет им никакого вреда. В том виде, в каком представлена глава, она смешивает рассказы и создает весьма туманное впечатление о событиях, лишенных четкой последовательности. Но в ее основе лежат три совершенно простых истории, и в каждой свой акцент и даже разные представления о Боге и Его отношении к людям, которым Он открывает Себя. А кроме того, в них по-разному представлены важные предводители, возглавлявшие народ Израильский в дни странствий в пустыне.

Конечно, можно с уверенностью сказать, что этот рассказ, хоть и путанный, расставляет некоторые поистине важные религиозные акценты: авторитет Моисея, центральность закона, возвышенность Бога. И, естественно, предшествующей историей текста никто интересоваться не обязан. Но стоит только заметить противоречия, и любой, чей ум пытлив, вероятно, захочет узнать, как они появились. И как раз здесь, скорее всего, и появится мысль провести своеобразный анализ и увидеть в пассаже ряд разных источников. А затем сам собой возникнет вопрос, зачем писцу сплести три истории в одну и

превращать три связанных повествования в одно несвязное. Пока что, как мне кажется, лучше всего предположить так: он пытался убедиться, что ни одна часть традиции не пропадет. Он не писал связную историю Моисея, как делали бы биографы нашего времени – но собирал отдельные традиции, учившие о Моисее, и соединял их вместе, желая уберечь [23]. А значит, окончательный текст он представлял не в виде последовательного и логичного произведения – в отличие от того, как мы представляем себе роман или исторический отчет, – а скорее всего, стремился создать что-то вроде архива.

Изначальная история и другие предания

Итак, у нас теперь два великих повествования – Пятикнижие и «Второзаконническая история», заключившие в себе всю Еврейскую Библию от Книги Бытия до Книг Царств. Иногда весь свод этих текстов называют Изначальной историей. Этим он отличается от другого собрания текстов, которое, как повсеместно принято считать, появилось гораздо позже. Речь идет о Летописях, или Хрониках (Первой и Второй книгах Паралипоменон, в прямом смысле – «книгах пропущенного»). Они охватывают тот же период, что и Изначальная история: от Сотворения мира (во всяком случае от Адама) до конца Вавилонского пленения. Впрочем, большая часть истории в них подается просто как генеалогия с очень кратким повествованием: это перечни важных имен и вплетенные в них крошечные фрагменты преданий. Рассказ об Израиле не прерывается на Вавилонском плене – и этим Летописи отличаются от «Второзаконнической истории» в 4 Цар 25 – а завершается тем, что Кир, владыка персов, позволяет народу изгнанников вернуться в Землю Обетованную: последнее слово Второй книги Паралипоменон (2 Пар 36:23) звучит как *veya'al*, «и пусть он туда идет» – иными словами, пусть любой изгнанник, если того желает, вернется на родину. Еврейская Библия выстроена так, что именно это слово ее и завершает: надежда приходит на смену отчаянию (смотрите главу 13).

Сейчас все склонны согласиться в том, что автор Книг Паралипоменон не располагал независимым материалом, на который мог бы опереться, и по большей части просто переписал древнюю историю, желая подвести ее к тому, что его волновало. А прежде всего его волновало израильское литургическое богослужение, и кроме того, он стремился показать, что люди получают то, чего заслуживают – причем показывал он это в гораздо большей мере, чем

беспорядочные предания минувших дней. Например, тем, кому знакома «Второзаконническая история», известна и проблема с Манассией, царем Иудейским, жившим в VII столетии до нашей эры. В Четвертой книге Царств (4 Цар 21) сказано, что он едва ли имел себе равного в злодеяниях и не только поклонялся идолам, но и принес собственного сына в жертву на костре [25]. И тем не менее Манассия царствовал дольше, чем любой из иудейских царей (пятьдесят пять лет, согласно 4 Цар 21:1). И Летописец воспринимал это как богословскую проблему. Как вышло, что Бог позволил столь злостому царю так долго править страной? Проблему нужно было решать – и был создан рассказ о покаянии Манассии. В 2 Пар 33 военачальники царя Ассирийского уводят закованного Манассию в Вавилон, как он того поистине заслуживал, но...

И в тесноте своей он стал умолять лице Господа Бога своего и глубоко смирился пред Богом отцов своих. И помолился Ему, и Бог преклонился к нему и услышал моление его, и возвратил его в Иерусалим на царство его. И узнал Манассия, что Господь есть Бог.

2 Пар 33:12–13

Гораздо более поздний текст, Молитва Манассии, появился в греческом переводе Ветхого Завета и оттуда перешел в протестантские апокрифы. Его нет ни в Еврейской, ни в Латинской Библии. Но он притязает на то, чтобы считаться той самой покаянной молитвой, которую возносил Манассия.

В Еврейской Библии есть и повествования иного характера. Книги Ездры и Неемии слегка несвязно и путано сообщают о событиях в общине, вернувшейся из Вавилонского плена, и в обоих случаях повествование ведется от первого лица (1 Ездр 7:27 – 9:15; Неем 1–7 и 13). Библиисты (может быть, легковерно) часто были склонны доверять рассказу от первого лица как явно надежному и допускали, что он и правда исходит от двух деятелей, хотя то, как и когда именно они вершили свои труды, остается загадкой. Должно быть, и Ездра, и Неемия вели активную деятельность в V или, предположительно, в IV веке до нашей эры, и судя по тому, как представлены их образы, персидский царь признал их право распоряжаться делами в персидской провинции Йехуд (так тогда звалась Иудея). Как и в Книгах Паралипоменон, иврит в Книгах Ездры и Неемии отличается от иврита, на котором написаны библейские «саги». В нем проявляются черты долгого развития, заметен ряд арамейских заимствований и, как отмечалось в главе 1, несколько пассажей в Книге Ездры полностью

написаны на арамейском.

Есть и повествования, которые обычно называют еврейскими новеллами [26]. Они короткие, и их герои, возможно, вымышлены. Это Книга Руфи, Книга Ионы, Книга Есфири и ряд историй в Книге пророка Даниила 1–6 (а также Книга Товита и Книга Иудифи, отнесенные у протестантов к апокрифам). Эти книги проявляют все признаки того, что составлялись как законченное целое, повествование в них ведется последовательно, сюжет ясен, понятен и четко спланирован, и почти ничего не свидетельствует о том, будто в их основе лежат древние народные предания или устная традиция. Вероятно, они созданы в персидский или даже эллинистический период, иными словами, за время с V по II век до нашей эры. Большинство современных библеистов воспринимает их как сознательный вымысел и даже не предполагает в них и намек на историчность – в общем и целом, это «небылицы»: Иону глотает огромная рыба – и извергает его живым; Есфирь разрушает заговор против евреев, и многие избегают погубительной резни; Даниил спасается невредимым из львиного рва. Даже сторонники традиций не всегда убеждены в том, что эти рассказы историчны, и иногда охотно расценивают их не как рассказ о реальных событиях, а как притчи или нравоучительные сказки. Впрочем, и по сей день многие интересуются, нет ли в Средиземном море огромной рыбы, способной проглотить человека.

В наше время исследователи библейских повествований занимают полярные позиции. Некоторые ученые, особенно в немецкоязычном мире – впрочем, в Северной Америке и Израиле такие тоже есть, – по-прежнему стремятся в первую очередь узнать о том, откуда пришли эти повествования и как они развивались. Они разрабатывают сложнейшие теории, призванные объяснить, как устные и письменные материалы, соединившись, сформировали те книги, которыми мы теперь обладаем [27]. Других библеистов, и особенно в Северной Америке, намного сильнее интересуют литературные аспекты текстов, и в этом случае повествования читают синхронически, иными словами, как завершенное целое и как великую литературу, не задавая никаких вопросов об их истоках и развитии [28]. А что касается плодотворнейших выводов, к которым могут привести оба этих подхода, то насчет них ни в том, ни в другом лагере нет ни малейшего намека на согласие. Первым интересно, как возникла Библия; вторым – как ее читать в окончательной форме. Если они хоть в чем-то и согласны, так только в том, что книги повествований – это важная часть Ветхого Завета и их нельзя считать второстепенными по отношению к книгам пророков, а именно так по традиции и читали Библию христиане. (Раннехристианские писатели цитировали исторические книги очень нечасто – по сравнению с тем, сколь много цитат они брали из пророческих книг [29].) Тот факт, что Библия содержит

повествования – это часть ее особенного характера, и этим она отличается от поздних вероучений и сформулированных доктрин. Ряд библейских преданий соприкасается с историей и дает нам свидетельства о том, как жил Древний Израиль. Но большая их часть – либо вымысел, либо искусно сочиненная история, даже в том случае, когда в основу рассказов ложится историческая правда.

Цель еврейских повествований

Как же использовались книги повествований в Древнем Израиле? Библиисты по большей части полагают, что рассказы читались вслух: грамотность не была уделом многих. И, возможно, это подразумевает, что читались они в контексте богослужения, вполне вероятно, на каком-либо из ежегодных празднеств, совершаемых в Иерусалиме, причем и до Вавилонского пленения, которое свершилось в VI веке до нашей эры, и после него. Может быть, рассказы об упадке и падении Израиля и Иудеи, приведенные в Книгах Царств, служили неким выражением народной скорби или исповеданием общей вины [30]. И скорее всего, именно в дни владычества персов возникли синагоги – здания, где иудеи собирались ради молитвы и учебы. А к эпохе Нового Завета прочтение исторических книг, хотя и избирательное, вошло в богослужение. Иудаизм уже шел к тому, чтобы сделать акцент на изучении текстов и молитв, не связанных с жертвоприношением, на местном уровне – даже хотя в то время Второй Храм еще не был разрушен и там каждый день приносились жертвы. Ранние христиане тоже читали некоторые разделы исторических книг на своих литургических торжествах – как часть хроники отношений Бога с Его народом с древних времен. По сути, именно богослужение стало одним из главных контекстов, в которых с Библией встретились как евреи времен позднего иудаизма, так и христиане.

Но как могут рассказы, собранные в книги, играть важную религиозную роль? И в чем именно они были важны для религиозной мысли Древнего Израиля? Они определенно не были «учением» в нашем понимании этого слова. Возможно, они подавали пример правильной жизни, но для этого ветхозаветные рассказы часто слишком сложны и не помогают напрямую. (Согласитесь, непросто вывести наставление «живи правильно» из упомянутого выше предания о том, как Моисей много раз восходил на вершину Синайской горы.) Весьма вероятно, что они могли служить для привлечения внимания и для того, чтобы вовлечь слушателей в мир, о котором спешил поведать рассказ, и не вели ни к каким

определенным выводам, а просто показывали, пусть и не прямо, то, в каком состоянии пребывали люди. И если так, это очень далеко от того, как их читали в некоторых отраслях позднего иудаизма и христианства, часто сокращая до источника моральных наставлений и указаний.

В современной библеистике заново открыли «элемент предания» в тех книгах, которые по традиции именовали историческими, и тем признали, что просто и ясно об истории Израиля нам в них ничего не прочесть. Они важны не как архивный материал, а как способ определить своеобразие израильского народа. Они – это национальная литература. Исторические книги часто вносят свой вклад в то, как мы понимаем историю народа, и позволяют нам догадаться о том, как во время их написания воспринимались события и общественные движения. Они не дают надежных сведений об истории времени, которое пытаются описать. Это понимание приходит с первых же строк Книги Паралипоменон, которую ученые долго трактовали главным образом как свидетельство религиозных позиций и отношения к истории в эру владычества персов, – но не как источник достоверных сведений о том периоде истории, который в нем исследован. Идея, согласно которой и сама Изначальная история – лишь плод воображения и на самом деле сообщает нам не о праотцах Израиля и не о его царях начиная со второго тысячелетия до нашей эры, а лишь о том, что думали израильтяне с VIII по V век до нашей эры, появилась намного позже, но теперь повсеместна. Порой она по-прежнему шокирует ревностных иудеев или христиан: в подобном им видятся нападки на статус и авторитет Библии. Но многие верующие, не столь приверженные традициям, уже давно признали, что, скажем, первая глава Книги Бытия – это вовсе не точный отчет о том, как создавался мир. И после того, что мы поняли о первой главе Библии, мы вполне вольны сомневаться и в деталях библейских рассказов, – но наряду с этим можем и с непрестанным благоговением относиться к библейским текстам, увидев в них религиозно вдохновенные и содержательные источники. Но остается вопрос: а насколько далеко мы можем зайти в своих сомнениях, прежде чем утратим любое соприкосновение с традиционным пониманием Библии – и традиционным обращением с ней? В конце книги я еще вернусь к этому вопросу – как и ко многим другим очень важным проблемам, поднятым в современной библеистике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Примечания

1

Цитаты из Библии приводятся по Синодальному переводу, за исключением особо оговоренных случаев. – Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.

2

Как в традиции иудаизма, так и у протестантов Книга Даниила не относится к пророческим.

3

Книги Маккавейские отчасти включены в канон в православии и католичестве, но ни в Еврейской Библии, ни в протестантском каноне их нет. Протестанты относят эти книги к апокрифам.

4

Само слово «семитский» возводится к имени Сима, одного из сыновей Ноя, от которого, как считалось, пошли народы Леванта и Месопотамии. – Авт.

5

В изначальном тексте стоит слово «Шеол» – так называли подземный мир, безжизненную страну теней, куда души людей уходили после смерти. – Авт.

6

«Яхве» – современное предположение о том, как в древности могли произносить имя Бога, записанное на иврите литерами YHWH. Как я объяснял в главе 1, в давние времена гласные на письме не отражались. Но как только изобрели систему, позволяющую отобразить их вокалическими значками – точками и черточками – возник обычай (где, мы не знаем) отображать гласные звуки слова Адонай (Господь) вместе с согласными звуками, отражением которых была запись YHWH: именно в то время многие люди стали произносить имя «Господь». (В наши дни иудеи, соблюдающие предписания религии, склонны говорить просто «ха-шем», «имя».) Попытки христиан произнести это слово-гибрид привели к появлению письменной формы «Иегова», – впрочем, этого имени никогда не существовало в иудаизме. Обычай произносить имя «Господь», перешедший в Греческую Библию, продолжается и в Библиях современных: скажем, на английском имя YHWH передается заглавными буквами ('LORD') или капителью ('the Lord'). Есть кое-какие свидетельства, согласно которым имя произносилось как «Яху» или «Яхо», поскольку личные имена с этим окончанием часто имеют именно такую форму (например, имя «Езекия» на иврите звучит как Хизкияху), и некоторые греческие тексты упоминают о «боге Яо». В иудаизме это имя произносить нельзя, и христианские комментаторы Библии часто с уважением относятся к этому запрету, указывая имя в невокализованной консонантной форме YHWH. – Авт.

Купить: https://tellnovel.com/ru/barton_dzhon/istoriya-biblii-gde-i-kak-poyavilis-bibleyskie-teksty-zachem-oni-byli-napisany-i-kakuyu-sygrali-rol-v-mirovoy-istorii-i-kul-

ture

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)